ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КАРПАТСКІЙ КРАЙ

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу.

И. С. Тургеневъ.

ОКТЯБРЬ.

КАРПАТСКАЯ РУСЬ
МУКАЧЕВО.
1923.

№ 1.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ I.

Типографія Школьной Помощи, Ужгородъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

ЛИТЕРАТ.-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

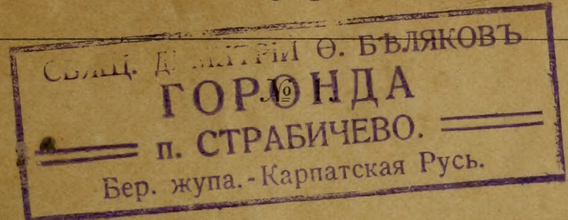
КАРПАТСКІЙ КРАЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 60·— КЧ.

ДЛЯ АМЕРИКИ 3 ДОЛЛАРА 20 ЦЕНТОВЪ.

ИЗДАТЕЛЬ: „РУССКОЕ КАСИНО“ ВЪ МУКАЧЕВѢ.

ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ А. В. ПОПОВЪ.



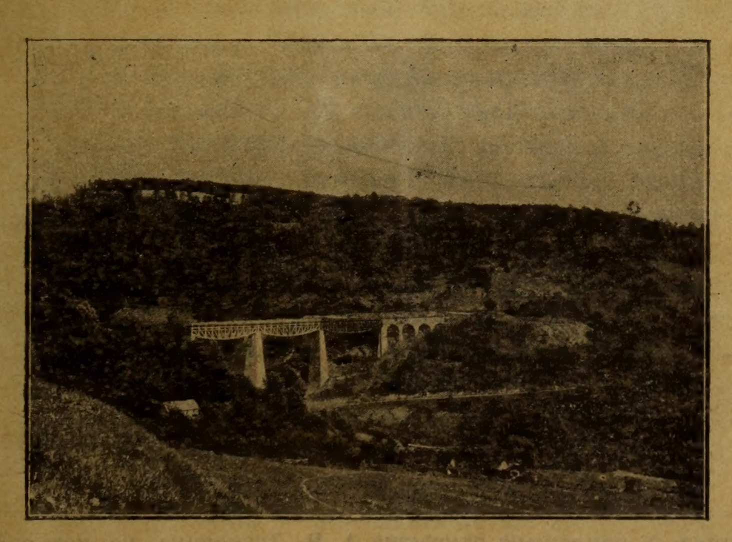
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КАРПАТСКІЙ КРАЙ



Но не долго снѣгъ, морозы
Будутъ ѣздить по полямъ.
Вновь придетъ весна и розы
Расцвѣтутъ по цвѣтникамъ!
Такъ и ты, о, Русь святая,
Разъ пробудишься отъ сна
И пройдетъ зима лихая
И покажется весна.

Ю. И. Ставровскій-Попрадовъ.



Ужокъ жел. дор. мостъ.

Содержаніе:

При каждомъ № приложена открытка А. В. Духновича, на которой каждый долженъ написать свое имя, фамилію и точный адресъ (село, почта). Кто не желаетъ быть подписчикомъ, тотъ обязанъ послать журналъ обратно и на открыткѣ написать: „Не желаю“ и свое имя. РЕДАКЦІЯ.

Наша программа и наша цѣль.

Въ настоящее время національно-языковой, религіозной, политической и Богъ знаетъ еще какой борьбы, въ Карпатской Руси назрѣла среди сознательной русской среды потребность создать независимый литературно-историческій журналъ. Этотъ органъ въ первую очередь долженъ удовлетворить духовнымъ требованіямъ и запросамъ карпаторусской интеллигенціи. Эта духовная потребность въ печатномъ словѣ можетъ быть удовлетворена только тогда, когда нашъ журналъ будетъ стоять внѣ всякихъ политическихъ и религіозныхъ вліяній, но въ то же время онъ будетъ стремиться къ національному пробужденію Карпатской Руси, чтобы она какъ можно глубже почувствовала свою глубокую внутреннюю связь съ русской культурой и русской литературой. Особенное вниманіе будетъ обращено на послѣднюю. Почему? Потому что на русскую литературу теперь обращено вниманіе цѣлаго свѣта. Теперь нѣтъ ни одного культурнаго народа, который не былъ бы пораженъ глубиной психологіи генія — Достоевскаго, могучимъ словомъ великихъ художниковъ — Тургенева, Л. Толстого и др. Нѣтъ на землѣ мѣста, гдѣ бы не читали этихъ великановъ русскаго народа. А мы — сами русскіе, дѣти одной матери, на тысячу лѣтъ оторванные отъ нея — мы ея не знаемъ или знаемъ, но очень мало; неужели мы захотимъ остаться позади китайцевъ, турковъ, румынъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Дорогіе читатели! Даже азіаты не могли устоять предъ созданіемъ русскаго творческаго генія и только у насъ въ Карп. Руси — среди искони русскихъ селъ и городовъ, среди славныхъ Карпатъ, колыбели славянства, находятся люди, ненавидящіе русское слово, боящіеся свѣта культуры, который приходитъ къ намъ съ Востока. Для Запада открыты настежь двери — Западъ можетъ появиться во всей своей наготѣ, отвратительной, пошлой, грязной или же въ своемъ блескѣ и славѣ — все равно передъ нимъ снимаютъ шапки и кланяются въ поясъ всѣ ненавидящіе по своему невѣжеству, по своему духовному убожеству все, что идетъ къ намъ — изъ далекой, но всегда намъ близкой и родной Матери — Руси, идеальной защитницѣ славянъ!

На первую очередь программы нашего журнала „Карпатскій Край“ мы выдвинули возобновленіе старыхъ русско-славянскихъ традицій нашихъ славныхъ борцовъ за національное освобожденіе изъ-подъ чужого, вражьяго ярма — Добрянскаго, Духновича, Ставровскаго-По-

прадова, Фенцика и др. Ихъ идеи и идеалы вмѣстѣ съ идеалами и идеями современности, поскольку они намъ близки по сердцу и духу, будутъ служить намъ путеводной звѣздой въ нашей культурной работѣ на благо и счастье Подкарпатской Руси.

Мы твердо вѣримъ въ окончательное духовное воскресеніе закарпатской горсточки русскаго народа, мы вѣримъ, что это воскресеніе многострадальной Руси принесутъ *культура, просвѣщеніе и идейные работники* на „нивѣ народной“. Вотъ однимъ изъ такихъ двигателей къ только что названной цѣли и будетъ нашъ журналъ „Карпарскій Край“.

Мы не обѣщаемъ многаго нашимъ дорогимъ читателямъ, потому что далеки отъ „реалистическихъ“ принциповъ современныхъ политическихъ вождей — много обѣщать, но ничего не дать —, нѣтъ! Но мы хотимъ дать только то, что нами намѣчено. Мы постараемся сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы не уронить изъ рукъ и не осквернить дорогое намъ трехцвѣтное славянское знамя.

При современномъ кризисѣ печатнаго дѣла вообще, а въ частности у насъ, гдѣ культура судится не только по числу грамотныхъ, по числу школъ, но также и по числу его періодическихъ и другихъ изданій, мы наше дѣло можемъ только тогда успѣшно вести, если наши подписчики *точно* будутъ платить подписку за „Карпатскій Край“, если они сами изданіе нашего перваго литературнаго журнала въ свободномъ, автономномъ краѣ будутъ считать частицей своего собственнаго и идеальнаго дѣла. Отъ читателей зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ журнала или газеты (не говорю о тѣхъ, которые поддерживаются державой), а поэтому каждый, кому будетъ посланъ первый номеръ журнала — долженъ будетъ заплатить годовую подписку 60 коронъ чешскихъ, для Америки 3.20 доллара. Помни каждый, въ комъ бьется русское сердце, кого кормила и поила русская мать, надъ кѣмъ пѣла грустныя пѣсни Карпатской Руси — тотъ *долженъ, тотъ обязанъ стоять въ рядахъ нашихъ подписчиковъ.*

Каждому прежде чѣмъ отослать журналъ обратно, надо подумать, что, убивая „Карпатскій Край“, онъ хочетъ гибели своему народу, онъ не хочетъ, чтобы наши дѣти и внуки были людьми съ высоко развитымъ чувствомъ любви къ своему русскому краю, не хочетъ, чтобы передъ нашими дѣтьми открылись широкія ворота къ богатѣйшей въ мірѣ литературѣ, тотъ хочетъ погасить свѣтъ на маякѣ, чтобы съ злой радостью видѣть гибель кораблей, слышать вопли и стоны погибающихъ. Тотъ, кто отошлетъ „Карпатскій Край“ обратно — ненавидитъ русское слово или же не знаетъ, что творитъ, не сознаетъ великаго значенія литературно-историческаго журнала. Чтобы каждому была понятна наша цѣль, мы считаемъ полезнымъ хоть въ короткихъ чертахъ опредѣлить ее слѣдующимъ образомъ:

1) „Карпатскій Край“ будетъ служить полезнымъ чтеніемъ. Онъ будетъ въ первую очередь знакомить съ произведеніями изъ жизни Карпатской Руси;

2) будетъ знакомить съ исторіей Карпатской и Закарпатской Руси;

3) съ общерусской литературой;

4) будетъ стремиться объединить культурныя силы къ общей работѣ на благо Карпатской Руси;

5) будетъ стараться привлечь здѣшнюю молодежь къ работѣ по исторіи, литературѣ и т. д.

6) будетъ стремиться картинами и рисунками познакомить читателя съ образомъ жизни К. Руси, съ жизнью народа, его культурой, бѣдностью и т. д. и т. д.

Повторяемъ. что дѣло наше — есть дѣломъ каждаго истинно-русскаго человѣка, который всѣми силами долженъ стремиться къ тому, чтобы какъ можно больше расширить кругъ читателей нашего журнала „Карпатскій Край“.

Въ журналѣ обѣщали принять участіе унив. профес. Д. Н. Вергунъ, унив. профес. Флоровскій, приватъ-доц. П. Н. Савицкій,, Д-ръ, Д. Марковъ, Д-ръ Н. Бескидъ, ст. Стрипскій, ст. поэтъ В. Ваврикъ, поэтъ Л. Тыблевичъ, профес. фил. Лесевъ, Д-ръ Н. Р. Шкирпанъ, инспект. В. Шпеникъ, Д-ръ философ. и правъ И. Паппъ, Д-ръ П. И. Петригалла, К. Брешковская, основательница интерн. Шк. Помощи, профес. Фабрій, А. Поповъ, уч. М. В. Василенковъ, Глѣбъ Соколовичъ, и много др.

Смѣемъ надѣяться, что названныя имена ясно будутъ говорить о характерѣ и качествѣ журнала, самой важной цѣлью котораго является какъ было упомянуто выше, — дать возможность молодымъ карпато-русскимъ силамъ выступить на литературно-научномъ поприщѣ, а нашей интеллигенціи дать возможность понемногу вернуться къ традиціямъ славныхъ предковъ, любившихъ русскій языкъ, съ наслажденіемъ читавшихъ Пушкина, Гоголя, черпавшихъ новую силу изъ неизсякаемаго источника, изъ богатаго русскаго хранилища русской культуры, изъ прекраснѣйшаго на всемъ свѣтѣ языка, о которомъ великій художникъ слова И. С. Тургеневъ сказалъ ярко и сильно:

„Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу.“

Великій русскій народъ!

Великій въ страданьяхъ и мукахъ, великій по духу въ своей вѣчной погонѣ за идеалами Божественной правды? Ни море слезъ, ни море

невинно пролитой крови на порогѣ новой жизни не въ силахъ убить живучесть и силу русскаго языка, а *пока живетъ* **языкъ** *народа*, слѣдовательно живетъ и самъ народъ. Какъ только начинаютъ грабить грязными, разбойническими руками народное достояніе, народное сокровище — его языкъ, такъ этотъ народъ уже обреченъ на духовную гибель. Онъ одной ногой уже сталъ на край страшной пропасти. Карпатороссы должны видѣть величіе, красоту, силу и могущество русскаго языка. Его не сумѣли убить ни княжескія междуусобія, ни страшное татарское иго, ни смутное время, ни тысячевѣковое мадьярское ярмо, ни польско-нѣмецкіе и ракушацкіе эксперименты. Тотъ, кто разрываетъ народъ на части, кто создаетъ по политическимъ соображеніямъ или по невѣжеству языковыя распри, тотъ совершаетъ величайшій грѣхъ, тотъ достоинъ проклятія, тотъ совершаетъ Каиново дѣло.

Сознавая грозящую намъ опасность со стороны предпринимателей-авантюристовъ въ сторону созданія новаго, никому на свѣтѣ непонятнаго языка, мы и рѣшили выступить съ нашимъ „Карпатскимъ Краемъ". Мы вѣримъ, что только сознаніемъ единства со всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ можемъ выбраться изъ вѣковой темноты къ яркому солнцу знаній; только взаимнымъ обмѣномъ, какъ встарь, когда мы дали нашимъ прадѣдамъ по ту сторону Карпатъ Балудянскаго, Лодія, Кукольника, а они послали намъ изъ нѣдръ Россіи А. В. Духновича, мы можемъ создавать новыя свѣтлыя начала, только познаніемъ, повторяемъ еще разъ, богатѣйшаго въ свѣтѣ языка мы дадимъ нашей родинѣ, нашимъ дѣтямъ *богатство, съ которымъ* **нигдѣ** и **никогда** *они не пропадутъ.*

Этимъ мы высказали нашу цѣль и нашу программу. Тѣ, кому онѣ близки, кому близко дорогое, русское — тѣ будутъ нашими друзьями, тѣ будутъ поддерживать насъ, съ тѣми мы будемъ считаться, съ тѣми мы будемъ дѣлить наше горе и радость, ихъ приглашаемъ сердечно принять участіе въ нашей работѣ, отбросивъ партійную ненависть, которая создана у насъ искуственно и которая, какъ желѣзными когтями раздираетъ нашу Карпатскую Русь. Спасеніе русской національности отъ гибели должно стоять выше всякой партійности!

Заканчивая наше длинное предисловіе, которое мы считали необходимымъ, словами нашего славнаго поэта А. Павловича, да будетъ: „Якъ рай, нашъ карпатскій милый край," мы вѣримъ въ моральную и матеріальную поддержку духовенства, особенно пряшевской епархіи, учительства, чиновничества, вѣримъ въ Американскую Русь, ибо надо помнить, что нашему народу можно помочь только *просвѣщеніемъ*, а этой, именно, цѣли и будетъ служить нашъ „Карпатскій Край".

Да поможетъ намъ Богъ на нашемъ трудномъ и тяжеломъ пути!

Мукачево. **Карпатскій Край.**

К. Брешковская.

Творчество.

I.

Отъ самыхъ высокихъ умственныхъ задачъ и до самыхъ насущныхъ злободневныхъ начертаній — осуществленіе ихъ требуетъ двухъ непремѣнныхъ условій: инициативы и настойчивости; т. е. смѣлости положить начало задуманному предпріятію, и найти въ себѣ достаточно твердости и терпѣнья, чтобы неустанно продвигать начатое впередъ; несмотря на временныя неудачи и на могущія встрѣтиться затрудненія.

Если бы эти два свойства духовной энергіи человѣка встрѣчались чаще въ обиходѣ общественной жизни — развитіе и прогрессъ общества ушли бы далеко впередъ во всѣхъ направленіяхъ нашего бытія. Невѣжество и тьма съ ея гибельными послѣдствіями остались бы далеко позади.

Хорошихъ мыслей, добрыхъ пожеланій, благихъ намѣреній слышимъ и читаемъ много. Много сердецъ и умовъ чувствуютъ и разсуждаютъ любовно и разумно; и мало такихъ, чтобы сознательно накликали бѣдствія на головы себѣ подобныхъ. А между тѣмъ мы видимъ и испытываемъ, что злого и вреднаго на свѣтѣ слишкомъ много, что оно какъ будто стремится покрыть и задушить тѣ гуманные и свѣжіе ростки, что всходятъ тутъ и тамъ, робко появляясь на свѣтъ Божій. Душатъ же злыя силы свѣтлое и доброе не потому, что онѣ сильнѣе числомъ и знаніемъ, а потому, что *активнѣе.*

Мыслей и желаній хорошихъ много, но нѣтъ активносги, нѣтъ инициативы, нѣтъ энергіи къ начинанію, нѣтъ настойчивости къ проведенію въ жизнь своей задачи. Человѣкъ носитъ свою излюбленную идею въ мечтахъ своихъ, но обнаружить ее на дѣлѣ не рѣшается. Боится неудачи; быть непонятнымъ, осмѣяннымъ; боится остаться безъ поддержки; боится затратить свои силы напрасно.

Такъ благая задача остается висѣть въ воздухѣ и не видитъ своего появленія въ образѣ живаго дѣла. Такая робость, нерѣшительность, страхъ предъ оскорбленнымъ самолюбіемъ — дастъ просторъ и свободу тѣмъ силамъ, что ставятъ себѣ корыстныя, эгоистическія цѣли, и своимъ натискомъ душатъ чистое и полезное. „Хорошо, очень бы хорошо положить начало такому-то дѣлу, но я не увѣренъ въ томъ, что оно пойдетъ гладко, что встрѣтитъ реальное сочувствіе, что найдетъ поддержку“. Такъ разсуждаетъ тотъ, кто хотя и любитъ свою идею, но не проникнутъ ею настолько, чтобы отдаться ей, чтобы поставить ее выше повседневныхъ заботъ и трудовъ. Такъ разсуждаетъ большинство, и лишь немногіе, весьма немногіе, проникнувшись созна-

ніемъ важности признанной задачи — приступаютъ къ ея осуществленію, несмотря на предстоящія трудности. Этихъ немногихъ и должны мы цѣнить, уважать и спѣшить къ нимъ съ помощью, *такъ какъ сочувствіе и помощь особенно нужны при началѣ задуманной работы, когда приходится строить и собирать все заново, расчищать дорогу, прокладывать новый путь.*

Но, обыкновенно, публика думаетъ иначе. Она говоритъ: „пусть начнетъ тотъ, кто затѣялъ, а мы посмотримъ. Если дѣло пойдетъ хорошо, мы пожалуй поможемъ, а пока еще ничего нѣтъ, затрачивать силы рисковано“. Не думаютъ о томъ, что именно при самомъ началѣ дѣла и нужна помощь. Что для того, чтобы поставить хорошо даже небольшое предпріятіе, необходимы и средства и сотрудничество доброжелательныхъ людей. А когда дѣло поставлено на рельсы, да уже само катится — тогда люди охотно бѣгутъ ему навстрѣчу и считаютъ за удовольствіе принять участіе въ успѣхѣ.

II.

Если внимательно всмотрѣться на происхожденіе культурныхъ и вообще гуманитарныхъ начинаній — то увидимъ, что почти всѣ они пробивали себѣ дорогу съ большимъ трудомъ и почти всегда при полномъ равнодушіи окружающей публики. Иниціаторы добрыхъ дѣлъ зачастую подвергались недовѣрію, иногда и насмѣшкамъ тѣхъ, къ кому они обращались съ воззваніями либо приглашеніями принять участіе въ новомъ предпріятіи.

Съ чувствомъ сомнѣнія ждала публика появленія первыхъ признаковъ работы. Долго не могла убѣдиться, что у себя дома можетъ увидѣть такой же успѣхъ, какимъ пользуется подобное же дѣло тамъ, гдѣ оно уже давно налажено, проложило себѣ торную дорогу и завоевало признаніе и сочувствіе. А между тѣмъ, исторія каждаго новшества вездѣ одна и таже. Вездѣ иниціаторы съ большими усиліями и самопожертвованіемъ вносили въ обиходъ жизни явленіе, остававшееся до тѣхъ поръ лишь въ мечтѣ его носителя. И лишь потомъ, когда намѣченная цѣль достигнута, когда успѣхъ обезпеченъ — публика апплодируетъ, и даже гордится тѣмъ, что вотъ молъ у насъ какія прогрессивные люди и дѣла. Изъ всѣхъ начинаній культурнаго характера особенно смѣлымъ, даже дерзкимъ является для публики *литературная работа*. И если таже публика уже освоилась съ другими культурными явленіями, какъ: открытіе школъ, чтеніе лекцій, устройство концертовъ, спектаклей и тому подобныхъ проявленій общественной образованности, то „писательство“, „сочинительство“, изображеніе жизни перомъ, запечатлѣвающимъ не одни положительныя, но и отрицательныя стороны текущей жизни — все еще кажется большинству людей занятіемъ свой-

ственнымъ лишь избранникамъ искусства и вдохновенія, людямъ спеціально къ этому призваннымъ. Такое недовѣрчивое отношеніе къ литературной работѣ начинающихъ особенно присуще обществамъ, гдѣ природнымъ дарованіямъ и талантамъ населенія еще не было дано возможности развиться и проявить себя.

Тамъ же, гдѣ, какъ въ западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ *вообще* образованіе стало уже достояніемъ всего населенія, тамъ всѣ считаютъ себя въ правѣ выражать мысли свои печатно, издавать газету, журналъ, брошюры, книги; и ужъ дѣло публики отнестись такъ или иначе къ новымъ произведеніямъ, оцѣнить ихъ по ихъ значенію и достоинству. Правда, есть среди этихъ изданій немало посредственностей, и ниже того, но вѣдь и публика слоится на много степеней, вкусовъ и требованій.

Тамъ же, гдѣ литературное выступленіе есть рѣдкое, либо еще новое явленіе — тамъ, обыкновенно, авторы сами придаютъ серьезное, рѣшающее, можно сказать, значеніе своему выступленію. Долго и внимательно обсуждаетъ его, прежде чѣмъ публично предстать предъ лицомъ своихъ читателей. Что это дѣйствительно такъ, мы можемъ видѣть на тѣхъ историческихъ попыткахъ, иниціаторами которыхъ были первые учителя — будители своихъ дремлющихъ согражданъ. Ибо тотъ, кто беретъ на себя впервые провести въ среду свою нѣчто для него дорогое и необходимое — прилагаетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы предпринятое выступленіе отвѣчало цѣли, какую поставилъ себѣ инициаторъ. — Двигаетъ ли имъ любовь къ народу своему и стремленіе вызвать въ немъ довѣріе къ своимъ силамъ; или же сознаніе необходимости просвѣщенія въ широкихъ массахъ, сознаніе, что духовная темнота и есть основа всѣхъ ихъ бѣдствій; или же просто любовь къ знанію и красотѣ — во всѣхъ этихъ случаяхъ вновь выступающій авторъ не можетъ не вызывать къ предпринятой дѣятельности лучшихъ сторонъ своего ума и чувствъ своихъ. Рискуя своимъ признаніемъ, онъ не можетъ не обдумать, не предусмотрѣть толчковъ и перепонъ, что ждутъ его впереди; и искренно слѣдитъ за ходомъ своего дѣтища, онъ уловитъ невѣрные шаги его, и внимательно отнесется къ разумнымъ замѣчаніямъ своихъ читателей.

Будь то газета, будь журналъ, издатель, пока еще одинокій, будетъ трепетать надъ участью своего творенія, какъ любящая мать надъ благоденствіемъ своего ребенка. Малѣйшій успѣхъ будетъ радовать его; неудача или ошибка — глубоко огорчатъ, и запомнятся навсегда. — Но чѣмъ больше вложено силъ, заботъ и тревогъ, — тѣмъ дороже, роднѣе становится само дѣло; стараніе и напряженіе ростутъ. Энергія борца, смѣло отстаивающаго правое дѣло, привлекаетъ вниманіе равно-

душныхъ, поднимаетъ интересъ болѣе интеллигентныхъ и втягиваетъ въ полезную, привлекательную работу тѣхъ, у кого нехватало еще рѣшимости выступить на новомъ поприщѣ умственной работы. — Такъ побѣждаетъ энергія, направленная на благую цѣль. Такъ пролагались и проложились пути, въ области литературной дѣятельности, оказывая человѣчеству неоцѣнимыя услуги.

Если въ настоящее время, въ двадцатый вѣкъ научнаго движенія, инициаторовъ свѣжихъ мыслей и смѣлыхъ начинаній не ожидаютъ костры инквизиціи, то еще не рѣдко начинающіе писатели изнемогаютъ подъ ударами людского непониманія, или того невѣжественнаго равнодушія, что не умѣетъ дорожить успѣхами мысли и высшаго сознанія души человѣка. Изреченіе: „нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ“ — оправдывается и теперь въ странахъ застоявшейся апатіи. Но это не значитъ, что надо останавливаться предъ этой вязкой трудностью. Наоборотъ, удвоивъ силы свои, надлежитъ продолжать начатое и стучать въ дверь запертаго храма, пока онъ не откроется.

Умъ человѣка можетъ дремать, можетъ облѣниться, но онъ не можетъ потерять *способности мыслить, понимать и познавать;* и тотъ, кто знаетъ это, кто умѣетъ цѣнить въ человѣкѣ сей великій даръ — тотъ готовъ претерпѣть всю скорбь временнаго равнодушія, всю тяжесть ненужныхъ утомительныхъ треній — лишь бы достичь желаннаго результата — *вызвать тягу къ свѣту и правдѣ.*

Не сразу это достигается. Дорога къ благому результату усыпана терніями — но развѣ пути къ большому и благотворному устланы розами?!

А что и малое зерно можетъ дать богатые всходы, въ этомъ жизнь насъ давно убѣдила. Ибо духовнаго содержанія зерно — слово — обладаетъ исключительной силой, силой проникающей во всѣ поры умственной жизни человѣчества. Дѣйствіе этой силы не поддается ариѳметическому учету, ни наглядному эффекту, но какъ дифузія летучаго газа проникаетъ мысль, воображеніе, память человѣка, незамѣтно для него самого. Только съ теченіемъ времени можно наблюдать постепенное измѣненіе въ желательную сторону взглядовъ и сужденій той среды, куда было направлено горячее слово, выражавшее тѣ завѣтныя вѣрованія, распространенію которыхъ авторъ — инициаторъ посвятилъ себя.

Но разъ мысль сдвинулась со своей косной позиціи — она неудержимо пойдетъ впередъ, и уже сама будетъ сознательно впитывать новыя для нея идеи, ждать новыхъ объектовъ для изученія и переработки въ своей собственной лабораторіи.

Развѣ мы не видимъ, какъ благоговѣйно чтутъ память своихъ

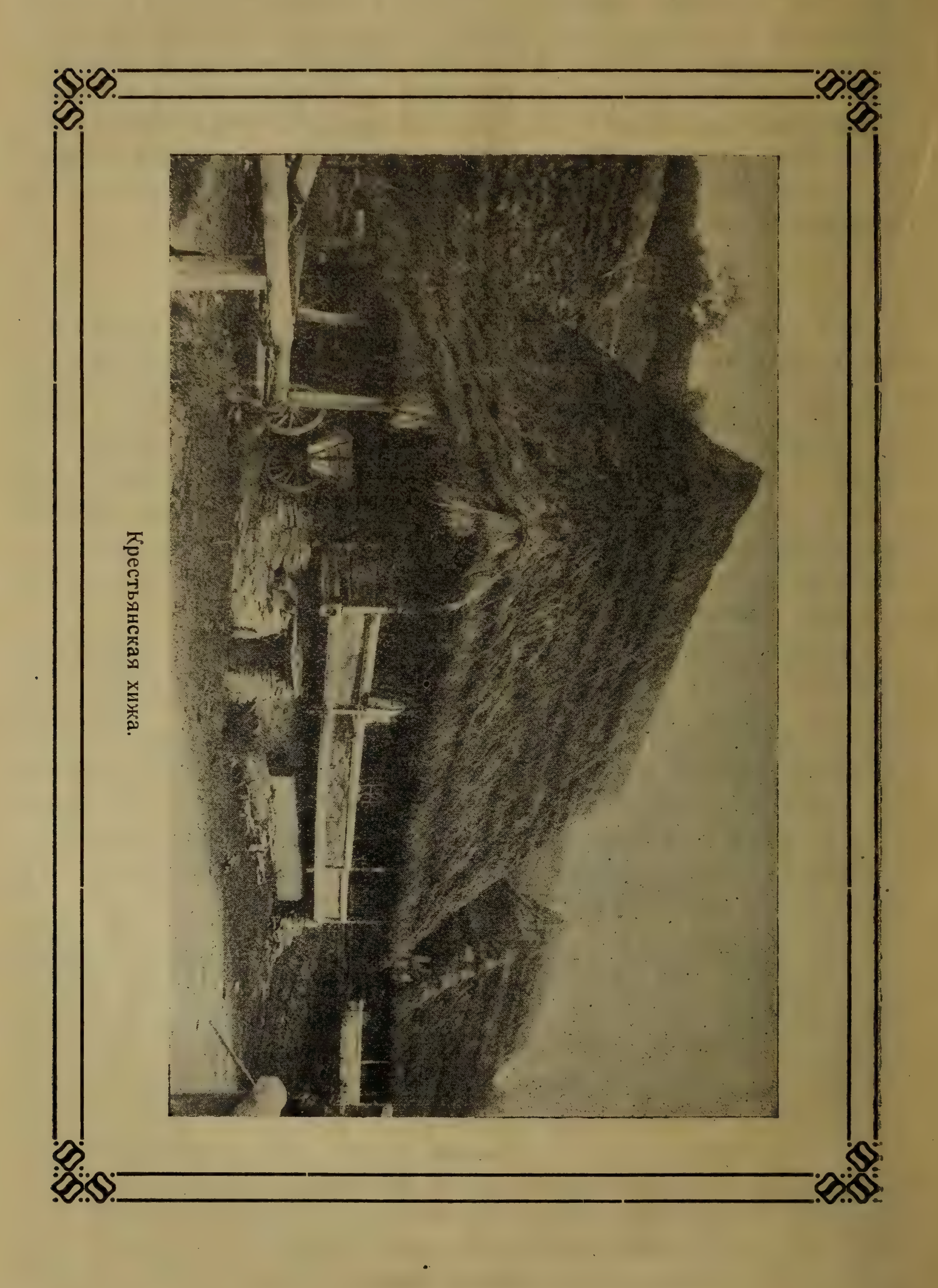
будителей поколѣнія, взросшія на основѣ преподаннаго имъ ученія. Ученія эти оставляютъ намъ учителя наши въ различныхъ формахъ. Иногда въ видѣ догматическихъ правилъ, или систематически изложенныхъ теорій; иногда въ видѣ разсужденій, въ беллетристической формѣ, — наводя насъ на новыя мысли, обращая вниманіе наше на болѣе важныя стороны бытія нашего; послѣдняя форма легче читается и быстрѣе усваивается ея содержаніе, часто имѣетъ огромный успѣхъ, но требуетъ она особеннаго труда и особеннаго дарованія.

III.

Въ данномъ случаѣ, т. е. съ возникновеніемъ перваго журнала въ Карпатской Руси въ двадцатомъ вѣкѣ, мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ иниціаторомъ этого предпріятія (Поповъ), отдающимъ ему свои лучшія силы. И предыдущія литературныя работы его свидѣтельствуютъ о незаурядной писательской способности и о большой осмысленности его трудовъ. — Все въ нихъ продумано, все отвѣчаетъ умственнымъ и моральнымъ спросамъ среды, къ которой обращаетъ эти писанія. — Статьи автора достаточно знакомятъ и постороннюю публику съ бытомъ и условіями жизни народа Карпаторусскаго; отчасти и съ его прошлымъ, такъ мало извѣстнымъ большому свѣту.

Имѣя все это въ виду, нельзя не сочувствовать, нельзя не надѣяться. И мы, отъ всей души, желаемъ иниціатору столь прекраснаго изданія какъ научно-литературный журналъ — возможно полнаго успѣха. Просимъ его не терять бодрости ни при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, не переставать вѣрить въ полезность и цѣлесообразность изданія, могущаго доставить способному, но отставшему въ развитіи своемъ населенію — здоровую духовную пищу приближающую его къ уровню народовъ, ушедшихъ далеко впередъ въ дѣлѣ всесторонняго образованія.

Что же касается отношенія къ новому изданію интеллигентной публики Карпатской Руси — то степень ея отзывчивости послужитъ мѣриломъ какъ ея собственныхъ умственныхъ запросовъ, такъ и ея сочувствія просвѣтительной дѣятельности среди народа въ ней нуждающагося.



Крестьянская хижа.

Д. Н. Вергунъ.

(Изъ новѣйшихъ стихотвореній).

Карпатскій Руснакъ.

(Посвящено Антону Григорьевичу Бескиду).

Я карпатскій Руснакъ
Стародавній козакъ,
Сторожилъ я вѣка наши горы,
От Монголъ — янычаръ,
Нѣмчуры и мадьяръ,
Изнывая безъ братской опоры.

Больше тысячи лѣтъ
Мы страдали отъ бѣдъ,
На скалахъ Прометеемъ распяты,
Но таили огонь
И, сжимая ладонь,
Сохраняли для Руси Карпаты!

Мы — Руси колыбель,
Мы — славянства купель,
Первозванные дѣти Кирилла,
Нашъ славянскій обрядъ
Чудодѣйственный кладъ,
Неизбывная русская сила.

Ободрялъ онъ неразъ
Въ испытанія часъ
Нашъ народъ подневольный, усталый,
За него возставалъ,
Среди дебрей и скалъ,
Не одинъ нашъ подвижникъ удалый.

Кто изъ насъ изнемогъ
Отъ недоли — тревогъ —
Улеталъ на край свѣта, за море,
Муравьинымъ трудомъ
Призывалъ на проломъ —
Побороть вѣковѣчное горе.

И услышанъ былъ зовъ,
Изъ тяжелыхъ оковъ
Воскресаетъ Руснакъ омертвѣлый,
Вѣря въ чудо чудесъ —
Что, разъ корень воскресъ,
То воскреснетъ народъ его цѣлый!

На пароходѣ „Лоррэнъ“ изъ Гавра въ Нью-Іоркъ
2 дек. 1919 г.

Кличъ русскимъ „вѣчамъ“.

(Прочтено на 70 лѣтнемъ юбилеѣ освобожденія русскихъ крестьянъ — 19 февраля 1922 г. въ Мѣщанской Бесѣдѣ въ Прагѣ).

Гой, вы вѣчники русскіе, удалые,
Вы со всѣхъ концовъ собирайтеся,
Созывайте-ка вѣче людное,
Всенародное да степенное
О Руси святой думу думати.

Вы бросайте-ка всѣ дѣлишки буденныя,
Зазвонилъ — загудѣлъ древній колоколъ!
Вы спѣшите-ка на помостки тесовые,
Снарядите-ка бирючей, голосистѣе,
Понатужьте-ка свои буйны головы,
Потревожьте свои мысли — розмысли —
Какъ спасти-то Русь горемычную?

То не Волховъ-рѣка всколыхнулася,
То не вспѣнилось Ильмень-озеро,
Не гуляетъ-то Васька, Буслаевъ сынъ,
Голытьбы бражной поводырь хмельной —
То не тѣшится грѣшной прибылью
Разбогатый гость, богатырь — Садко,
То не стонетъ лишь одинъ Новгородъ,
То Валдай шумитъ по дубравушкамъ,
То Карпатъ сѣдой содрогается,

Святогоръ — богатырь просыпается —
То вся Русь на землѣ размятушилась...

* * *

То клокочетъ дномъ океанъ-море —
На Невѣ, на Москвѣ, Волгѣ-матушкѣ,
На Двинахъ, на Днѣпрѣ-ли Словутицѣ,
На Карпатскомъ Днѣстрѣ до Дуная сплошь,
На Дону, на Ріонѣ, буйномъ Терекѣ,
На Дарьяхъ, на Оби, Енисеѣ — тожь,
Ангарѣ и на Ленѣ, да Амурѣ-ли —
Всюду воетъ — бурлитъ океанъ-море,
Всюду тамъ берега опустошены,
Да селенія поразрушены,
Всюду сироты горько слезы льютъ,
Всюду матери не наплачутся,
А кормильцы то не утѣшатся —
Какъ достать — добыть корку хлѣбушка,
Накормить — взрастить малыхъ птенчиковъ...

То не стонъ стоитъ, то не гулъ гудитъ,
То набатный звонъ разстилается,
То Карпатъ брюзжитъ, то Уралъ ворчитъ,
То Кавказъ гремитъ, то Алтай дуднитъ,
То весь міръ честной содрогается,
Отъ пожарища межусобицы,
Отъ полѣнницъ жертвъ позамученныхъ,
Скула сирьяго, воя вдовьяго,
Кроволачности грозовластія,
Что посуломъ въ рай низвело Русь въ адъ,
Въ тьму кромѣшную, дѣтоморную,
Безпросвѣтную, людожерную!..

Все тревожнѣе голоситъ трезвонъ,
Все набатнѣе кличетъ колоколъ
Недострѣлянныхъ, недовѣшанныхъ,
Будитъ совѣсть онъ замороченныхъ —
Вѣче тамъ, вѣче сямъ созывается,
Снаряжается и смекаетъ людъ:
Посылать-ли вновь за Варягами,
Чтобъ пришли на Русь, гдѣ наряда нѣтъ,
Или ряду длить съ лютой вольницей,

Челобитничать предъ изгоями,
Или сварами изойти вконецъ?!?

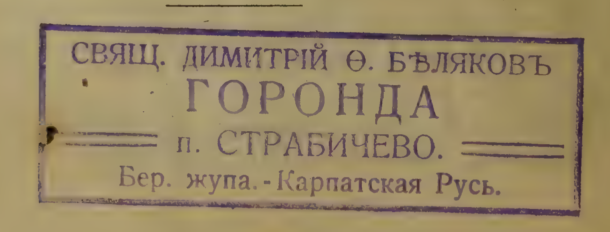
Гой, рѣшайте вы, буйны вѣчники!
Зычнымъ голосомъ отовсюду вы
Наставительно посовѣтуйте!
Расцвѣтись майданъ густомысленный
Бирючами-ли, старшинами-ли,
Острозорами, яснодумами —
Разрази уста ихъ перунами,
Распали сердца ихъ зарницами,
Разъяри гласомъ серафимами —
Да услышитъ міръ думу правую,
Путеводную, не лукавую,
Да воскреснетъ Русь покаянная,
Грозовластіемъ опаленная —
Неущербною, неуломною,
Богоизбранной, Богодомною!

Рига, 19 февр. 1921.

Вздохъ русскаго странника.

Господи силъ съ нами буди!
Дай намъ отчизну найти,
Пламя вдохни въ наши груди —
Въ странствіяхъ морныхъ,
Сварахъ докорныхъ —
Не изнемочь на пути!..

Прага, 1 авг. 1923.



Юлій Ивановичъ Ставровскій-Попрадовъ.

(1850—1899).

Въ мартѣ мѣсяцѣ наступающаго 1924 года исполнится 25 лѣтъ со дня смерти нашего великаго поэта и народнаго будителя прошлаго вѣка — Юлія Ивановича Ставровскаго.

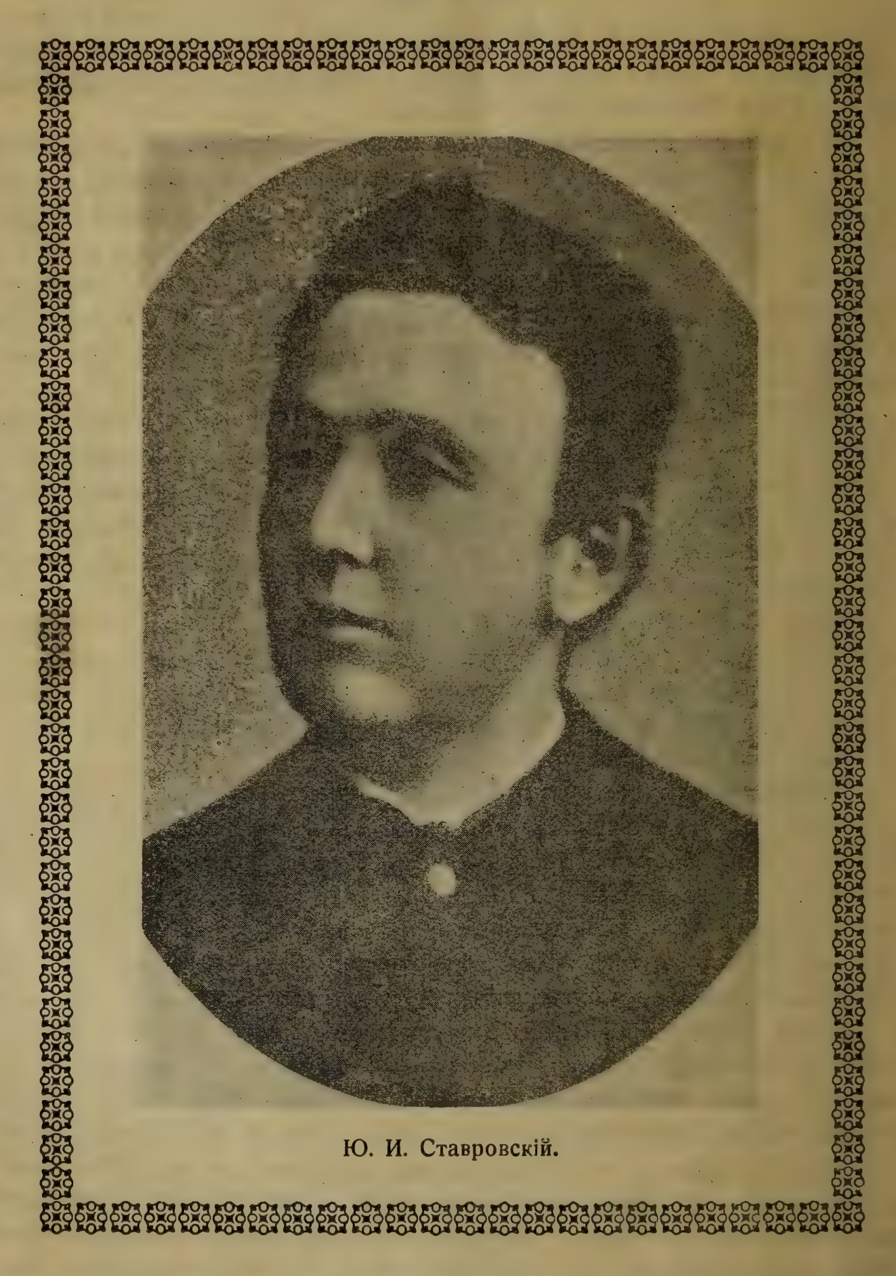
На рѣдкость стойкій и крѣпкій характеръ писателя, его идеалы и вся его жизнь должны служить хорошимъ примѣромъ каждому истинно-русскому человѣку. Честный и неподкупный, горячій русскій патріотъ, веселый и пріятный собесѣдникъ, вѣрный другъ, знатокъ русской литературы, въ совершенствѣ владѣющій языкомъ Пушкина и Тургенева, Ставровскій заслуживаетъ съ нашей стороны особеннаго вниманія и изученія не только какъ примѣрный гражданинъ, но и какъ весьма талантливый поэтъ-писатель.

Юлій Ивановичъ родился въ 1850 году, 18 января въ селѣ Сулинѣ, Спишской жупы. Отецъ его былъ священникомъ. Со стороны матери въ Ставровскомъ текла венгерская кровь. Красивая природа окружающаго его міра заложила въ него свое художественное наслѣдіе. Рано научился ребенокъ любить лѣсъ, рѣку, садъ, свое село и весь свой „дикоживописный край“. Первоначально, послѣ окончанія гимназіи Юлій Ивановичъ задумалъ вступить на юридическое поприще, но скоро отказался отъ своего плана и вступилъ въ Пряшевскую духовную семинарію, гдѣ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго пряшевскаго епископа Гоганца, который отправилъ юношу для продолженія образованія въ Будапештъ на богословскій факультетъ.

Жизнь въ Будапештѣ произвела на юношу огромное впечатлѣніе. Тутъ ему было все чуждо, отъ всего вѣяло на него холодомъ. Знакомство съ славянской молодежью окончательно укрѣпило въ немъ бродившія неопредѣленныя національныя стремленія. Живыя идеи 1848 года захватили подъ свою сѣнь и нашего поэта. Родной русскій народъ, вдали отъ котораго онъ жилъ, представлялся ему убогимъ, забитымъ, несчастнымъ, никому ненужнымъ. Тутъ у него зародилась мысль идти въ народъ, жить среди него, помогать ему, учить его. Но мысль эту осуществить удалось ему немного позже. Высокообразованному и въ высшей степени интеллигентному Ставровскому предстояла блестящая будущность, но „душевная тяга къ народу и тоска по роднымъ горамъ и свободной жизни на лонѣ природы побудили его въ 1879 году переселиться въ с. Чертежное, Земплинской жупы, имѣніе А. И. Добрянскаго, гдѣ онъ сдѣлался настоятелемъ прихода и оставался уже до конца своей жизни.

Въ деревнѣ Ю. И. Ставровскій всецѣло отдался тихому и мирному труду на излюбленномъ имъ поприщѣ народнаго просвѣ-

щенія и отечественной письменности, продолжая въ тоже время много работать въ направленіи расширенія собственнаго образованія въ са-



Ю. И. Ставровскій.

мыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія, въ особенности же въ области исторіи и философіи“.

Такъ пишетъ о жизни Ставровскаго въ селѣ д-ръ Н. Р. Шкирпанъ въ своей крат. біографіи Ю. И. Ставроскаго.

Но кромѣ занятій философіей, исторіей, дѣлами по приходу, кромѣ разнообразной литературной работы въ журналахъ и газетахъ Карпатской Руси, Галиціи и Венгріи, онъ много времени посвящалъ также и на изученіе славянской филологіи, результатомъ коей работы появилась обширная грамматика русскаго литературнаго языка.

Юлій Ивановичъ Ставровскій былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдчайшихъ людей, которые внѣшній лоскъ, карьеру — считали пустымъ, ненужнымъ баластомъ, придавливающимъ всѣ лучшія, благороднѣйшія черты характера. Любя и говоря всегда и всѣмъ правду, Ставровскій все же не возбудилъ противъ себя ни народъ, ни интеллигенцію. Наоборотъ — по словамъ свящ. о. Игоря Ивановича Мацкова, въ домѣ отца котораго Юлій Ивановичъ часто бывалъ, онъ былъ „любимый душпастырь“. И немудрено, потому что правда для него была самымъ высокимъ идеаломъ: Говоря правду, обличая пороки онъ не только что „пророчествовалъ, проповѣдывалъ языкомъ“, но и душой, всѣмъ своимъ существомъ, искренне, безъ задней мысли — ранить, оскорбить кого-бы то ни было, чувствовалъ эту жгучую правду. Его слова выходили изъ глубины сердца, переполненнаго горячей любовью къ своему родному, русскому. И читатели чувствовали эту его безграничную любовь къ людямъ, къ родинѣ, природѣ, чувствовали эту его искренность и прощали ему боль за принесенныя имъ раны.

II.

Мнѣ кажется, что таланты, рожденные въ средѣ великой славянской семьи, принадлежатъ не лишь одному народу, но и всѣмъ славянамъ. Если говорятъ, что геніи принадлежатъ не народамъ, а цѣлому человѣчеству, то мы вправѣ утверждать тоже самое по отношенію талантовъ, но въ болѣе узкомъ смыслѣ: таланты принадлежатъ племенамъ. Вотъ именно такимъ талантомъ мы и считаемъ Ю. И. Ставровровскаго, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимъ *Попрадова.*

Ю. И. Ставровскій именно по силѣ и глубинѣ своего поэтическаго дара создавать прекрасными стихами не только художественныя картины внѣшней природы родного края, но и создавать картины внутренняго міра, принадлежитъ къ недюжиннымъ, талантливымъ людямъ.

Отъ стиховъ Ставровскаго вѣетъ свѣжимъ воздухомъ Карпатъ, въ нихъ чувствуется ароматъ хлѣбныхъ полей, грушевыхъ и яблоневыхъ садовъ и цвѣтниковъ, въ нихъ слышенъ плескъ водъ жемчужнаго Попрада. Юлій Ивановичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ людей-поэтовъ, которые носятъ въ себѣ умѣнье играть на живыхъ

струнахъ человѣческаго сердца. Онъ не писалъ, ероша волосы, свои стихи, онъ не искалъ риѳмъ; онѣ сами плыли и лились въ стихи то веселые, радостные, какъ —

Зимній вечеръ серебристый
Разложился надъ селомъ,
Воздухъ свѣжій, воздухъ чистый
Обнимаетъ все кругомъ...

то грустно, печально, нотка горькаго пессимизма звучитъ одиноко средь Карпатскихъ горъ, разносится по долинамъ, и больно сдавливаетъ сердце. Но этотъ минутный пессимизмъ носитъ въ себѣ что то особенное. Читатель какъ бы чувствуетъ, что пессимизмъ у писателя — это могущественное оружіе, потому что въ него какъ бы вложена нравственная сила поэта. Художникъ только отражаетъ голую, непріятную правду жизни безъ всякихъ ложныхъ прикрасъ. И эта ничѣмъ не прикрытая дѣйствительность заставляетъ человѣка мучиться, страдать невыносимо. Одухотворенная мощь, вливаемая въ душу читателей стихами Ставровскаго — велика, захватываетъ и волочитъ человѣка къ краю страшной пропасти. На днѣ этой пропасти валялись обломки русской національной жизни въ Карпатахъ. И тотъ, кто отваживался посмотрѣть въ эту зіяющую бездну, открытую для глазъ читателя Ставровскимъ — тотъ снова воскресалъ для родной Руси. Но къ сожалѣнію — такихъ было мало. Интеллигенція была частью запугана, частью и на самомъ дѣлѣ чувствовала себя мадьярскими русскими, или русскими мадьярами — какъ угодно. Да и какъ же иначе, когда почти весь славянскій міръ не зналъ и не хотѣлъ, занятый своими дѣлишками, знать о русскомъ народѣ, живущемъ въ Карпатахъ. Все, что осталось въ Карпатской Руси русскаго — это заслуга единицъ, это заслуга народныхъ массъ.

Сотни и тысячи не хотѣли видѣть ни правды, ни бездны, ни гибели, но лишь рабски склоняли головы передъ насильемъ и ложью, „добру и злу внимая равнодушно“. Но и въ такія тяжелыя минуты рождались смѣлые вожди и національные бойцы. Однимъ изъ нихъ и былъ Ставровскій. Какъ разгнѣванный Мойсей бросалъ онъ въ лицо толпѣ дерзкія слова, а она, чувствуя свою вину, молча слушала, склоня головы и потупя взоры. Никто не смѣлъ бросить въ лицо народной массы такого упрека, какъ Юлій Ивановичъ.

Ужъ всѣ твои чада глубокимъ сномъ заснули
И въ лужѣ лѣности бездонной потонули.
О, Русь несчастная! Скажу тебѣ въ укоръ —
Такъ жить, какъ ты живешь — и мерзость и позоръ!

Съ прискорбіемъ души спѣшу я изъявить,
Что эта полусмерть и грѣхъ, и срамъ и стыдъ!
Любить родной языкъ, любить родную кровь
Законы не претятъ, не возбраняетъ штыкъ.

Это относится болѣе къ интеллигенціи, потому что, когда поэтъ говоритъ о народѣ, то въ его стихахъ дышетъ любовь къ обездоленнымъ собратьямъ, любовь къ „гелоту“. Въ патріотическихъ стихахъ ярко выступаетъ его любовь къ родинѣ, но эта родина въ его понятіи лишь *Карпатская Русь.* По свидѣтельству Игоря Иван. Мацкова, съ отцомъ котораго поэтъ находился въ „очень тѣсной дружбѣ“, Ставровскій вообще не былъ заграницей, а между прочимъ онъ въ „Воспоминаніи Попрадова“ говоритъ о чужбинѣ, а такой чужбиной была только Венгрія, куда онъ ѣздилъ учиться. Для Ставровскаго родина это святая Русь. Въ стихотвореніи „Возвращеніе на родину“ высказанная нами мысль сказывается гораздо опредѣленнѣе, ярче и смѣлѣе. Народъ, родина — и природа — это источникъ сильныхъ чувствъ поэта напоенныхъ безконечной любовью, а порой и грустью:

И такъ, лишенный чувствъ и силы,
Ты беззащитный мой гелотъ
Умри, сниди во мракъ могилы,
Несчастный Угро-Русскій родъ!
Славяне, пойте гимнъ печальный,
Зажгите факелъ погребальный!
Вотъ, такъ рыдаетъ весь Бещадъ
Надъ гробомъ Угро-Русскихъ чадъ.

Тяжелое время переживали Карпатороссы. Даже и сильные духомъ слабѣли, а слабые были уже всецѣло подъ шовинистическимъ вліяніемъ оффиціальной Венгріи. Забывался русскій языкъ, національность, отъ русскаго бѣжали, отрекались публично, русскаго стыдились.

У нихъ ужъ нѣтъ любви, ни силъ,
Родной народъ имъ ужъ не милъ!
Учить простой народъ простому слову
Для нихъ проступокъ и позоръ...

Но какъ ни плохо дома, все-таки для поэта родина дороже всего, потому что онъ любитъ синія горы, старинныя хаты русскихъ мужиковъ.

Моя отчизна здѣсь, въ Карпатахъ,
Среди лѣсистыхъ синихъ горъ,
Гдѣ мой народъ въ старинныхъ хатахъ
Живетъ съ неизслѣдимыхъ поръ.

Вотъ здѣсь родился я и страстно
Влюбился въ родину свою,
Ее, хоть бѣдну и несчастну,
Но въ простотѣ своей прекрасну
Всегда радушно воспою.

Свѣтлая вѣра Ставровскаго въ торжество правды надъ зломъ, его вѣра въ конечную побѣду свѣта надъ тьмой вылилась въ чудесныя художественныя формы:

Но не долго снѣгъ, морозы
Будутъ ѣздить по полямъ,
Вновь придетъ весна и розы
Расцвѣтутъ по цвѣтникамъ!
Такъ и ты, о Русь святая,
Разъ пробудится отъ сна
И пройдетъ зима лихая
И покажется весна...

И эта прекрасная весна свободы пришла даже раньше, чѣмъ поэтъ, навѣрное, предполагалъ.

Ставровскій не любитъ покидать свой край, потому что тутъ онъ видитъ зародышъ новой жизни, несмотря на все окружающее зло.

Вѣдь тѣ холодныя палаты,
Что гордо щеголяли тамъ,
Не то, что наши русски хаты,
Любовью, людскостью богаты.

Но не это одно является причиной, почему ему Карпатская Русь милѣй чужихъ державъ. Поэтъ не дорожилъ рѣчами ораторовъ, спорами ученыхъ, не дорожилъ чужими концертами. Отъ нихъ вѣяло на него холодомъ и скукой, а поэтому то онъ говоритъ, что:

Мнѣ слово русское, родное
Дороже иностранныхъ фразъ,
Мнѣ пѣнье русскихъ дѣвъ простое
И ихъ плясанье удалое
Милѣе всѣхъ жеманныхъ красъ.

Поэтъ, какъ желѣзными узами прикованъ къ родной странѣ. Тоска по родинѣ, какъ магнитомъ притягиваетъ его къ русскимъ хатамъ, къ пѣнью русскихъ дѣвъ, къ синимъ горамъ, къ серебристымъ рѣкамъ родной страны. Онъ не могъ бы уйти отсюда даже и при желаніи, потому что горы, лѣса Карпатъ, люди и Ставровскій — это одно неразрывное цѣлое, это идея единства и силы Руси Закарпатской. Но какъ

мимо красотъ природы проходятъ люди и не замѣчаютъ ихъ, не интересуясь или же просто не понимая ихъ, такъ было и съ Юліемъ Ивановичемъ. Его мало кто понималъ въ настоящемъ, потому что ему принадлежитъ будущее. Ставровскій переросъ современниковъ, на нѣсколько десятковъ лѣтъ, оставляя ихъ за собой. Д-ръ Н. Р. Шкирпанъ въ своей краткой біографіи о Ставровскомъ правильно замѣчаетъ, что „разнообразная и симпатичная литературная дѣятельность Ю. И. Ставровскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія и подробнаго изученія и разбора, которые и должны явиться очередной задачей изслѣдователей угрорусскаго культурнаго возрожденія второй половины XIX вѣка!“

Ставровскій цѣненъ и не только какъ поэтъ, но и какъ смѣлый, отважный боецъ и пророкъ-философъ. Развѣ его смѣлыя слова:

Увы! всѣ кормчіе народа
Укрылись въ норы, какъ кроты,
И труся, для чужой угоды
Сами желаютъ темноты.
Они лишились вѣры, чести,
Путемъ предварительства и лести
Ищутъ отличій и наградъ;
У нихъ все — эгоизмъ — развратъ!

не будутъ относится и къ самому далекому будущему человѣчества? Развѣ можно съ увѣренностью сказать, что за триста, пятьсотъ лѣтъ люди не будутъ такими, какими они есть теперь, какими были раньше? Конечно нѣтъ!

Какъ художникъ, Ставровскій въ К. Руси недостижимъ. Его стихи цѣннѣе стиховъ его славныхъ учителей. Ставровскому стоитъ лишь дать два, три штриха и — живая картина готова. Она ярко и выпукло встаетъ передъ удивленнымъ взоромъ читателя. Напр.

Попрадъ, ты Татры сынъ красивый,
Дитя его блестящихъ льдинъ,
И тихій, и порой бурливый
Красавецъ спишскихъ горъ, долинъ!
Я много, много поминаю
Тебя, товарищъ юныхъ дней,
И въ милой близости твоей
Душой почаще отдыхаю.

(Воспоминаніе Попрадова).

Или такія чудныя строки, какъ —

Задунайскихъ горъ вершины
Усыплены уже всѣ,
И Дуная излучины
Замолчали въ сладкомъ снѣ.

(Тоска по родинѣ).

не принадлежатъ ли перу великаго мастера поэта? Развѣ такими стихами не гордился бы каждый культурный народъ?! Легки, нѣжны по стилю, глубоко-художественны по содержанію и силѣ.

Или

Прекрасный вечеръ разлагался
По разцвѣтающимъ лугамъ,
Далекій солнца свѣтъ алѣя отражался
По кудреватымъ облакамъ;
Зардѣлась скоро и заря
И обагрила сводъ небесный,
И въ роскоши цвѣтовъ горя
Обворожила міръ окрестный.

Слова въ устахъ Ставровскаго, что кисти и краски въ рукахъ мастера-художника. У него нѣтъ лишнихъ словъ для созданія образца — картины. У него все такъ примѣряно, приложено его талантомъ, что изъ стиха нельзя выбросить слова — тогда распадается цѣлое зданіе. Даже и въ раннихъ его стихахъ — онъ уже самъ по себѣ, онъ самъ творецъ и создатель прекрасныхъ картинъ горячо любимой родины. Юлій Ивановичъ — это пульсъ, „это совѣсть" русскаго общества конца XIX вѣка. Онъ звалъ къ свѣту, правдѣ, онъ будилъ, онъ тянулъ къ новой жизни, онъ обличалъ какъ безстрашный рыцарь, поставленный на стражу русскому народу въ Карпатской Руси.

Твердый въ убѣжденіяхъ, рыцарь безъ страха и упрека даже и въ самую послѣднюю, двѣнадцатую годину не хотѣлъ поддаться мадьяризаціи и смѣло протестовалъ и вливалъ новый духъ въ души своихъ читателей.

Любить родной языкъ, любить родную кровь
Законы не претятъ, не возбраняетъ штыкъ.

И пусть эти послѣднія, золотыя слова нашего писателя — поэта глубоко и на вѣки вѣчные врѣжутся въ сердце каждаго русскаго, пусть они служатъ намъ примѣромъ въ борьбѣ за наше культурное будущее. И никто изъ насъ и ничѣмъ такъ хорошо не почтитъ дорогую и свѣтлую память нашего великаго поэта — Юлія Ивановича Ставровскаго, какъ тѣмъ, что разъ и навсегда запишетъ въ своей душѣ вышеприведенные стихи. И тотъ, кто такъ сдѣлаетъ, тотъ уже станетъ ближе къ идеалу. который завѣщалъ намъ покойный поэтъ — Ставровскій — Попрадовъ.

А. В—въ.

Д-ръ Димитрій А. Марковъ.

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Въ сороковые годы, годы возрожденія австрійскихъ славянъ, было имя Адольфа И. Добрянскаго въ Австріи очень популярно. Съ этого времени А. И. Добрянскій сталъ извѣстенъ и въ Россіи. У чеховъ были будителями народа Ф. Палацкій и І. Ригеръ, у словаковъ Л. Штуръ и Иванъ Гурбанъ. Подкарпатская и Галицкая Русь имѣла въ 1848 году тоже своего будителя и государственнаго мужа, которымъ былъ А. И. Добрянскій.

Уже до прихода русскихъ войскъ въ Венгрію А. И. Добрянскій организовалъ противъ мадьяръ, вмѣстѣ съ словаками, отряды добровольцевъ, главнымъ образом изъ крестьянъ. Вторженіе русскихъ войскъ за Карпаты для подавленія мадьярскаго возстанія выдвинули молодого въ то время юриста и горнаго инженера на первый планъ. Въ качествѣ комиссара при русской арміи А. И. Добрянскій искренне полюбилъ русскаго солдата и подружился съ выдающимися офицерами русской арміи. Тѣсная дружба связала его надолго съ храбрымъ генераломъ Ридигеромъ. Переваливши Карпаты русская армія принесла порабощеннымъ славянамъ не лишь освобожденіе, но она повсюду оставляла слѣды братства и родственности. Крестьяне угнетаемые и приниженные польскими и мадьярскими панами, видѣли въ русскихъ солдатахъ своихъ спасителей. Дружба династій, австрійской и русской, не мало способствовала хорошему настроенію народныхъ массъ. Угнетенные славяне, особенно словаки и русскіе, почувствовали себя впервые вольными гражданами. Эта эра свободы не была однако продолжительной. Мадьяры, бывшіе до 1861 г. въ загонѣ, затребовали вначалѣ 60-хъ годовъ новой конституціи. Подъ шумный кличъ „свободы народовъ“ они стремились къ возстановленію привилегій шляхты и мадьярскаго режима. Звѣзда А. И. Добрянскаго стала постепенно гаснуть. Бывшій верховный жупанъ четырехъ карпатскихъ комитатовъ долженъ былъ подать въ отставку. Дуализмъ, т. е. раздѣлъ Австріи на два государства на т. назыв. Цис—и Транслейтанію въ 1867 г., засталъ А. И. Добрянскаго уже мирнымъ землепашцемъ въ его имѣніи въ Земплинской жупѣ. Предложенный ему старымъ Тисой портфель мадьярскаго министра путей сообщенія А. И. Добрянскій отклонилъ. Онъ вѣрилъ въ шаткость дуализма, при томъ въ то время онъ былъ преданъ Вѣнѣ, т. е. царствующему дому. Избранный впослѣдствіи депутатомъ будапештскаго парламента Адольфъ Ивановичъ, послѣ короткой парламентской каденціи ушелъ совсѣмъ отъ политической дѣятельности.

Вначалѣ 80 годовъ русскіе галичане его вызвали въ Львовъ. Галичане вѣрили въ авторитетъ А. И. Добрянскаго, они думали спасать себя отъ начавшихся преслѣдованій со стороны польской шляхты, которой не по вкусу было отрезвленіе и національное просвѣщеніе галицкорусскаго крестьянина патріотическимъ галицкимъ духовенствомъ и мірской интеллигенціей. Переѣздъ А. И. Добрянскаго, пользовавшагося еще въ то время нѣкоторымъ авторитетомъ въ Вѣнѣ, во Львовѣ положенію не помогъ. Клеветы польскихъ министровъ Землковскаго и Лебля, вліяніе поляка — кардинала Ледоховскаго побѣдили на всей линіи. Докладъ галицкаго правительства въ Вѣну о „схизмѣ“ и о „панславизмѣ“ въ Галичинѣ нашелъ отзвукъ и въ императорскомъ дворцѣ. Народный писатель и галицкорусскій дѣятель, о. Иванъ Наумовичъ, редакторы всѣхъ галицкорусскихъ и буковинскихъ изданій, политическіе дѣятели даже въ провинціальныхъ городахъ и селахъ и много крестьянъ были въ одинъ прекрасный день въ 1881 году арестованы. Всѣхъ арестованныхъ „панславистовъ“ было выше ста человѣкъ. Между ними старикъ А. И. Добрянскій и его дочка Ольга Грабарь. Процесъ длился цѣлый годъ. Государственной измѣны не установили ни судьи, ни прокуроръ. А. И. Добрянскій и Ольга Грабарь были освобождены. Четырехъ обвиненныхъ приговорилъ судъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за нарушеніе публичнаго спокойствія. Ольга Грабарь поселилась въ Россіи, А. И. Добрянскій переѣхалъ изъ Вѣны на постоянное жительство въ Тироль, въ городъ Инсбрукъ вмѣстѣ со своимъ зятемъ Юліаномъ Геровскимъ. Послѣдній былъ туда переведенъ, а Адольфу Ивановичу было въ Вѣнѣ предложено не вмѣшиваться впредь въ дѣла Галичины и Подкарпатской Руси. Совѣтъ вѣнскаго министра внутреннихъ дѣлъ былъ для А. И. Добрянскаго до извѣстной степени обязательнымъ. А. И. Добрянскій былъ дѣйствительнымъ придворнымъ совѣтникомъ (гофратомъ) и какъ таковой получалъ извѣстное содержаніе. Пришлось считаться съ оффиціальнымъ мнѣніемъ вѣнскаго правительства и переѣхать далеко отъ родной страны, въ Тироль.

Съ Адольфомъ Ивановичемъ Добрянскимъ свела меня судьба въ 1896 году. Послѣ окончанія богословскаго факультета я переѣхалъ для изученія юридическихъ наукъ въ столицу Тироля, въ Инсбрукъ. Славянъ въ Инсбрукѣ было достаточно. Большинство студенты и военные, офицеры-чехи и хорваты. Но было тоже нѣсколько должностныхъ лицъ, между ними профессора университета, словинецъ Клеменчикъ и чехъ Невинный. Славянская, общественная жизнь группировалась въ студенческомъ обществѣ „Велебитъ“*).

*) Горные хребты в Далмаціи называются „Велебитъ“.

Частная жизнь славянъ, интересовавшихся славянскимъ движеніемъ и славянской наукой была сосредоточена въ домѣ А. И. Добрянскаго. Въ „Велебитѣ“ были сленами славянскіе студенты. Общество имѣло свой оркестръ т. назыв. „тамбурашскій сборъ“, оно считалось „satisfaktionsfähig“ т. е. многіе студенты, особенно хорваты вызывали и были вызываемы на студенческія дуэли (Mensur, Paukerei). Общество „Велебитъ“ пользовалось признаніемъ нѣмецкихъ студентовъ какъ славянское землячество съ правомъ и обязанностью дуэлированія, имѣло нѣкоторую библіотеку, много газетъ сербскихъ, хорватскихъ, словинскихъ, словацкихъ, чешскихъ, русскихъ, наконецъ, и „орудія“ студенческихъ дуэлей, сабли, эмблемы, бандажи и т. п. Въ городѣ пользовались славянскіе студенты уваженіемъ и симпатіями тирольскихъ нѣмцевъ, которые въ то время, политически, были еще довольно толерантны. О „Великой Германіи“ и всенѣмецкомъ, всемірномъ господствѣ думали единицы, но это не были настоящіе тирольцы. Всенѣмецкой, азартной политикѣ тирольцы не сочувствовали, отъ нея въ то время, какъ могли, открещивались. На вечерахъ, устраивавшихся славянами были нерѣдко гостями нѣмецкія семейства, на концертѣ тамбурашскаго сбора — въ пользу пострадавшаго отъ землетрясенія города Любляны — явились всѣ высшіе чиновники, даже штабъ офицерскаго корпуса со служившимъ въ Инбрукѣ майоромъ, эрцгерцогомъ Карломъ Фердинандомъ во главѣ. Уже въ мою бытность въ Инбрукѣ устроенъ былъ общій митингъ нѣмецкихъ и славянскихъ студентовъ, протестовавшій противъ гнета немадьярскихъ народностей въ Транслейтаніи. Митингъ былъ созванъ въ годъ будапештской выставки и тысячелѣтняго юбилея существованія мадьрскаго государства. На концертахъ, вечерахъ и торжествахъ присутствовалъ, конечно, покойный А. И. Добрянскій. Являлся онъ обыкновенно въ черномъ, гофратскомъ сюртукѣ съ русскими и австрійскими отличіями. На шеѣ у него былъ на красной лентѣ орденъ св. Владиміра. Появленіе А. И. Добрянскаго среди студентовъ вызывало бурю аплодисментовъ...

На квартирѣ А. И. Добрянскаго посѣщали очень часто славянскіе студенты. Симпатіями маститаго старика пользовались православные сербы, русскіе и словаки. Послѣдніе чувствовались въ домѣ Адольфа Ивановича какъ у себя, на родинѣ. Словаковъ было 3 человѣка: Душанъ Маковицкій, Шкарванъ и Янко Когутъ. Всѣ были на медицинскомъ факультетѣ. Первые два были фанатичными поклонниками ученія Льва Ник. Толстого. Шкарванъ до того перенялся было ученіемъ Льва Николаевича Толстого, что отказался служить въ солдатахъ, за что и просидѣлъ годъ въ военной тюрьмѣ. Душанъ Маковицкій велъ аскетическую жизнь, раздавалъ послѣдній грошъ бѣднымъ и ревностно распростра-

нялъ среди студентовъ появлявшіяся за границей философскія сочиненія Льва Ник. Толстого. Послѣ окончнія студій Душанъ Маковицкій переѣхалъ, какъ извѣстно, въ Ясную Поляну, къ Л. Н. Толстому, былъ личнымъ *другомъ* послѣдняго, былъ и при смерти великаго русскаго писателя. Этотъ горячій прыжокъ своихъ любимцевъ въ сторону русской Нирваны А. И. Добрянскій переносилъ съ нѣкоторой горечью, но не пересталъ любить юныхъ „толстовцевъ...“

И я — то, уже съ самаго начала привязался къ старику, но не могу сказать, чтобы сразу завоевалъ симпатію А. И. Добрянскаго. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока мы сблизились и стали настоящими друзьями. Мои статьи въ „Галичанинѣ“ и „Православной Буковинѣ“ брошюрка о берестейской уніи, появившаяся оттискомъ въ Черновцахъ, прежде всего, однако, первыя хорошія свидѣтельства семестральныхъ коллоквій, настроили старика въ мою пользу. Не было почти дня, чтобы мы вмѣстѣ не гуляли. Не пришелъ я, такъ А. И. Добрянскій послѣ обѣда являлся за мной, въ мой скромный, студенческій кабинетъ. Часто заходилъ я и вечеромъ къ А. И. Добрянскому, чтобы прочесть галицкія и буковинскія газеты. А при немъ въ то время, какъ я впрочемъ уже намекнулъ, родной — то души не было. Далеко была Карпатская Русь, родные были разбросаны: кто въ Подкарпатской Руси, кто въ Буковинѣ и Россіи. Будучи ежедневнымъ посѣтителемъ старика я изучилъ его суровый, автократическій характеръ, его привычки, зналъ и его частную жизнь до мельчайшихъ подробностей. А. эта частная жизнь была своеобразной и въ этомъ отношеніи — хотя самъ то антагонистъ всякихъ „непротивленцевъ“ — А. И. Добрянскій смахивалъ на Льва Н. Толстого. А. И. Добрянскій вставалъ утромъ въ 6, зимой въ 7 часовъ. Принималъ каждый день холодную ванну, затѣмъ дѣлалъ комнатную гимнастику и, одѣвшись, читалъ въ слухъ священное писаніе или Минею. Послѣ физической и духовной гимнастики А. И. Добрянскій не завтракавши (зимой онъ выпивалъ стаканъ чистаго чаю) садился за письменный столъ. Писалъ онъ утромъ рѣдко письма, обыкновенно, какъ самъ онъ выражался, утромъ онъ сочинялъ. Въ бытность мою въ Инсбрукѣ появились его сочиненія о календарномъ вопросѣ и объ ученіи графа Льва Николаевича Толстого. Брошюры — всякая въ сто страницъ печати — были напечатаны въ Петроградѣ. Послѣ появленія полемической брошюры, направленной противъ ученія Л. Н. Толстого, Адольфъ Ивановичъ сталъ писать широко и пространно о славянахъ, ихъ минувшемъ, настоящемъ и будущемъ. Старикъ такъ и не кончилъ этого послѣдняго своего сочиненія, богатаго матеріалами по славяновѣдѣнію. Онъ остановился на 180—190 страницѣ рукописи, записанной его тонкимъ и четкимъ почеркомъ. Сбылись имъ часто

повторяемыя слова — „Ars longa, vita brevis“... И эту послѣднюю свою работу сочинялъ А. И. Добрянскій тоже до обѣда...

Обѣдъ подавался въ 12 часовъ и состоялъ изъ трехъ блюдъ. Адольфъ Ивановичъ былъ большимъ любителемъ мясного супа и кушалъ его, какъ кушаютъ наши крестьяне т. е. дробилъ хлѣбъ и поѣдалъ всякій день обязательно 2 полныя тарелки супа и много хлѣба. Какъ настоящій демократъ онъ видно придерживался и въ этомъ отношеніи мужицкаго взгляда онъ убѣждалъ насъ, молодыхъ, въ томъ, что хлѣбъ парализуетъ мясные жиры, вредныя пожилымъ людямъ. Вареной говядины А. И. никогда не ѣлъ, за то любилъ бѣлое мясо — телятину, курицу и т. п. Скушавъ пирожное Адольфъ Ивановичъ закуривалъ одну изъ своихъ трубокъ, которыхъ у него было нѣсколько штукъ. Трубки были поповскаго типа, на вишневыхъ, длинныхъ чубукахъ. За чтеніемъ газетъ и съ трубкой въ зубахъ я заставалъ А. И. Добрянскаго всякій день послѣ обѣда. Въ 2—3 часа пополудни мы уходили обыкновенно на прогулку за городъ, въ хорошую погоду обходили красивую, быструю рѣку Иннъ и поднимались вверхъ по прекраснымъ, лѣснымъ аллеямъ — часто до сосѣднихъ, пестрыхъ тирольскихъ деревень, окруженныхъ горами въ 2000 метровъ высоты.

Прогулки были единственнымъ развлеченіемъ Адольфа И. Добрянскаго; въ лѣтнюю погоду онѣ продолжались иногда 2 и 3 часа. Но Адольфъ Ивановичъ любилъ — и то почти до послѣднихъ лѣтъ своей жизни — погулять иногда такъ, какъ могъ и умѣлъ гулять лишь настоящій туристъ, альпинистъ. За шесть, семь лѣтъ до своей смерти, 80-тилѣтній старикъ и 70-тилѣтній профессоръ петроградскаго университета Владиміръ Ламанскій — умудрились взобраться на самую высокую гору возлѣ Инсбрука, на хребетъ Вальдрастъ. Эта гора сама собой очень приступна и я лично не разъ тамъ бывалъ. Старички взобрались на хребетъ Вальдрастъ въ сопровожденіи словинскаго медика Янка Блейвейса, кстати, внука знаменитаго дѣятеля 1848 года, лишь на третій день... Но все-же, хотя и съ остановками и передышками, они взошли и вернулись безъ ушибовъ. За то ихъ вожатый, Блейвейсъ годъ позже слетѣлъ въ окрестностяхъ Инсбрука со скалистаго утеса и сломалъ правую ногу.

Прогулки по тирольскимъ горамъ очень закалили А. И. Добрянскаго. На свой вѣкъ — я засталъ старика уже восьмидесятилѣтнимъ — Адольфъ Ивановичъ былъ сильнымъ и бодрымъ. Онъ ходилъ лучше по горамъ, чѣмъ многіе молодые люди. Оттого его здоровье было великолѣпно, онъ видѣлъ хорошо, не зналъ искуственныхъ зубовъ, а прическа его, когда-то кудрявыхъ волосъ, была молодцовата. Единственный разъ здоровье Адольфа Ивановича на короткое время по-

шатнулось. Тутъ я поневолѣ отойду отъ предмета: Это было на Пасху во второй годъ моего пребыванія въ Инсбрукѣ. Начиная со страстнаго четверга Адольфъ Ивановичъ постился. Здоровье его было, какъ обыкновенно, удовлетворительно, хотя вечеромъ, въ страстный четвергъ, онъ почувствовалъ себя „несвойски". Читая, какъ обыкновенно, въ слухъ, 12 евангелій, при чтеніи евангелія Іоанна онъ прослезился. Но пришла пасха... На пасху Адольфъ Ивановичъ не выдержалъ и съѣлъ, какъ и подобаетъ русскому человѣку, нѣсколько крутыхъ яицъ. Этотъ пасхальный завтракъ попилъ А. Ивановичъ не виномъ, котораго никогда не пилъ, а — по своему старому обыкновенію — двумя или тремя стаканами холодной воды. Старый организмъ на сей разъ не выдержалъ. А. И. слегъ въ постель. За нимъ ухаживали два врача, профессоръ Ланчнеръ и знаменитый нынѣ Далматскій хирургъ Якша Рачичъ. Старикъ пролежалъ двѣ недѣли, но выздоровѣлъ. Лѣченію онъ подчинялся безпрекословно лишь сначала. Впослѣдствіи, предписанныя врачами порошки онъ не принималъ и бросалъ ихъ за свою кровать... До того осторожно относился А. И. Добрянскій ко всякимъ лекарствамъ, приниманіе которыхъ признавалъ лишь въ крайнихъ, необходимыхъ случаяхъ...

Наши общія прогулки не проходили, однако, въ заурядной болтовнѣ... Нѣкоторыя прогулки, особенно тогда, когда Адольфъ Ивановичъ былъ въ хорошемъ настроеніи, можно бы сравнить не то съ римскими коллоквіями, не то съ античными, греческими діалогами. До того разнообразны были знанія этого всесторонне образованнаго человѣка. Конечно, Адольфъ Ивановичъ, какъ всѣ пожилые и заслуженные люди, любилъ больше всего говорить о минувшемъ. Вспоминая дѣла 1848 года, онъ съ умиленіемъ и воодушевленіемъ отзывался о выдающихся славянскихъ, особенно галицкихъ дѣятеляхъ, о благородномъ и патріотическомъ карпаторусскомъ духовенствѣ и его епископахъ, о душевныхъ и моральныхъ качествахъ русскихъ солдатъ и офицеровъ, явившихся впервые въ забытыхъ Карпатахъ, словно апостолы и благовѣстители лучшаго будущаго славянскихъ, въ то время закрѣпощенныхъ народовъ. Обширно передавалъ старикъ эпизоды изъ исторіи мадьярскаго возстанія и подробности сдачи храбрыхъ мадьярскихъ войскъ. Командовавшій мадьярскими войсками генералъ Гергей предлагалъ было, по словамъ участвовавшаго въ переговорахъ А. И. Добрянскаго, посредствомъ русскаго генерала Ридигера, венгерскую корону св. Стефана русскому царю Николаю І-ому. Послѣдній предложенія не принялъ и отъ возмѣщенія убытковъ за вооруженный походъ, достигавшихъ 300 милліоновъ рублей, несмотря на рѣшеніе русскаго штаба, отказался. Не обошлось при томъ

и безъ колкихъ замѣчаній маститаго разсказчика по адресу австрійской династіи, удивившей, какъ сказалъ Бисмаркъ въ крымскую войну, міръ своей неблагодарностью. Въ этомъ вопросѣ А. И. Добрянскій сваливалъ вину за недружелюбное отношеніе Австріи къ Россіи въ Крымскую войну въ первомъ ряду на совѣтниковъ Франца Іосифа, въ то время юнаго и неопытнаго. Онъ указывалъ, главнымъ образомъ, на широкую антирусскую пропаганду при австрійскомъ дворѣ католической шляхты, іезуитовъ и Рима. Въ связи съ этимъ и какъ-бы въ доказательство неджентльменскаго поведенія Габсбурговъ, Адольфъ Ивановичъ не преминулъ разсказать подробно о вынесенныхъ имъ лично впечатлѣніяхъ и переживаніяхъ при царскомъ дворѣ, въ Петроградѣ. А. И. Добрянскій былъ въ восхищеніи отъ своихъ трикратныхъ свиданій съ русскими императорами. Александромъ II-ымъ былъ А. И. Добрянскій принятъ два раза. Первый разъ вмѣстѣ съ другими славянскими дѣятелями въ 1867 году, второй разъ наканунѣ русско-турецкой войны. На это послѣднее свиданіе А. И. Добрянскій былъ экстренно вызванъ изъ Петрограда. Россія готовилась къ войнѣ съ Турціей и въ Петроградѣ хотѣли лично узнать авторитетное мнѣніе А. И. Добрянскаго насчетъ балканскихъ славянъ. А. И. Добрянскій, знавшій хорошо балканскихъ славянъ, показалъ себя въ этомъ вопросѣ лучше освѣдомленнымъ и болѣе русскимъ чѣмъ русскіе дипломаты. На вопросъ Александра II. — какъ смотритъ Адольфъ Ивановичъ на болгарское возстаніе и на возможность русско-турецкой войны, Адольфъ Ивановичъ отвѣтилъ такъ, какъ могъ отвѣтить оторванный и порабощенный сынъ Руси. Онъ предложилъ Александрому II-ому проектъ *обмѣна Польши за Карпатскіе русскія земли въ связи съ раздѣломъ сферы вліяній на Балканахъ между Россіей и Австріей.*

Предложеніе это на Совѣтѣ министровъ не прошло несмотря на то, что подобный проектъ — по инициативѣ вѣроятно А. И. Добрянскаго — со временъ перехода Карпатъ русскими войсками былъ представленъ раньше уже генералами Пашкевичемъ и Ридигеромъ. Эти политическіе взгляды Адольфа И. Добрянскаго мы находимъ отчасти въ такъ называемой балканской „Interessensphärenpolitik“ министра иностранныхъ дѣлъ гр. Голуховскаго, подобная же политика была въ планахъ послѣдняго русскаго посланника въ Вѣнѣ, барона Шебеко.

Очень лестно отзывался А. И. Добрянскій объ императорѣ Александрѣ III. Его поѣздка къ Александру III-му — она была послѣдней его поѣздкой въ Россію — состоялась въ началѣ 80-тыхъ годовъ. Адольфъ Ивановичъ ѣздилъ туда вмѣстѣ съ протоіеремъ Наумовичемъ и другими галицкими дѣятелями, дабы выхлопотать кредитъ для „Земледѣльческаго Кредитнаго Заведенія“ во Львовѣ. Этотъ единственный

галицко-русскій, крестьянскій банкъ очутился передъ банкротствомъ — благодаря нефтяннымъ спекуляціямъ главнаго директора, иностранца Михалека и его агентовъ, Френкля, Киндлера и Хувеса. Сотнямъ и тысячамъ крестьянъ угрожала продажа съ публичныхъ торговъ ихъ имущества. Пришлось старику ѣхать въ далекій путь. Благодаря авторитету Адольфа Ивановича поѣздка не лишь увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но Адольфъ Ивановичъ былъ принятъ опять въ экстренной аудіенціи царемъ Александромъ III. Александръ III. плѣнилъ старика своей простотой, демокватичностью и патріотизмомъ. Онъ былъ хорошо освѣдомленъ, о тяжеломъ положеніи русскихъ подъ польскимъ и мадьярскимъ владычествомъ. Изъ разсказовъ о пріемѣ у русскихъ императоровъ я видѣлъ, что это были, можетъ быть, самые счастливые моменты въ жизни Адольфа Ивановича. Былъ-же покойный А. И. Добрянскій искренній и убѣжденный монархистъ!.. О своихъ переживаніяхъ въ Петроградѣ Адольфъ Ивановичъ другимъ славянскмъ студентамъ не разсказывалъ и со мной объ этомъ онъ больше никогда не говорилъ.

* * *

Я отклонился немного отъ моей задачи разсказать о частной жизни А. И. Добрянскаго въ Инсбрукѣ и подѣлиться моими воспоминаніями о немъ съ читателями.

Съ окончаніемъ каждой нашей прогулки обрывался интересный разговоръ. Каждому изъ насъ нужно было идти продолжать свою работу. Я спѣшилъ домой читать кодексы, А. И. Добрянскій — отдохнувъ немного, писалъ письма или перечитывалъ отъ А до Z газеты и журналы, которыхъ у него было очень много. Вечеромъ, въ 8 часовъ, я обыкновенно опять являлся на короткое время, на этотъ разъ уже не для разговоровъ, а для просмотра галицкихъ и буковинскихъ газетъ. Въ девять часовъ вечера я оставлялъ квартиру Адольфа Ивановича. Послѣ ужина, состоявшаго изъ двухъ стакановъ молока, немного меду или овечьяго сыра, А. И. Добрянскій серьезнымъ трудомъ уже не занимался. Безпокоилъ опять свои старыя кости гимнастикой, а затѣмъ, въ 10—11 часовъ ложился спать. Спалъ онъ лѣто и зиму при открытомъ окнѣ, насколько, конечно, не было бури (sirocco) или сильныхъ морозовъ. Открывалъ онъ окно сверху или же въ другой комнатѣ. Воздухъ, большое количество выпиваемой до обѣда воды, гимнастика — вотъ трилистникъ и разгадка долгой жизни и трудоспособности А. И. Добрянскаго...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Зимній вечеръ.

Зимній вечеръ, серебристый,
Разложился надъ селомъ,
Воздухъ свѣжій, воздухъ чистый
Обнимаетъ все кругомъ.

Въ небесахъ, вдали востока,
Загорѣлся вдругъ огонь,
Метеоръ блеснулъ, но прока
Нѣтъ въ немъ, скоро гаснетъ онъ.

И зардѣлись на мгновенье
Нивы, горы, облака,
Будто ропотъ и гремѣнье
Раздались издалека.

Мать земля давно надѣла
Саванъ бѣлый на себя,
Вся природа обнѣмѣла,
Все почіетъ, будто спя.

Только сѣрый иней блещетъ
Въ сучьѣ тополей сада,
Иль ручей подгорный плещетъ
Весело подъ плиткой льда.

Только лучъ луны волшебно
Освѣщаетъ тихій край,
Иль подъ лѣсомъ звѣрь враждебный
Раздаетъ свой гнусный лай.

Нѣтъ цвѣтовъ, ни травъ зеленыхъ,
Опустѣлъ и лугъ и вертъ,
Въ рощахъ, прежде оживленныхъ,
Воцарились сонъ и смерть.

Сонъ и смерть, родные братья,
Удручаютъ все зимой,
Нынѣ же страна Карпата,
Овладѣли и Тобой!

Но не долго снѣгъ, морозы,
Будутъ ѣздить по горамъ,
Вновь придетъ весна и розы
Разцвѣтутъ по цвѣтникамъ!

Такъ и ты, о Русь святая,
Разъ пробудишься отъ сна,
И пройдетъ зима лихая,
И покажется весна...

Ю. И. Старовскій-Попрадовъ.

Къ солнцу.

Уже два года Мишка пасъ съ дѣдомъ въ горахъ скотину. Первый годъ, да и то сначала, ему было немного скучновато безъ веселой ватаги ребятъ, но потомъ онъ не только что привыкъ, но даже и полюбилъ лѣсъ въ горахъ, полюбилъ и привязался къ скотинкѣ, любилъ смотрѣть на замершихъ въ небѣ орловъ. Наступленія другого лѣта онъ уже ждалъ съ нетерпѣніемъ. Цѣлую долгую зиму онъ только и жилъ надеждой, что снова пойдетъ со старикомъ въ горы, откуда такъ далеко видно, гдѣ такъ тихо и откуда по утрамъ смотрѣлъ, какъ восходитъ румяное солнце, какъ оно блѣднѣетъ, поднимаясь все выше и выше. Каждый день Мишка видѣлъ, какъ оно лѣниво, нехотя просыпается и медленно ползетъ по голубому чистому небу, но все же продолжалъ смотрѣть на его восходъ и заходъ и думать. А думалъ онъ много и по своему, отъ всѣхъ скрывая свои тайныя мысли.

Когда Мишка ходилъ въ школу, то какъ то разъ слыхалъ отъ учителя, который разсказывалъ старшимъ ученикамъ, что гдѣ то на свѣтѣ есть такая страна, гдѣ солнце много мѣсяцевъ не заходитъ, и что есть такія мѣста, гдѣ такъ тепло, что люди ходятъ раздѣтыми, что тамъ растутъ прекрасныя деревья, плодами которыхъ питаются люди, гдѣ водятся райскія птицы и разные чудные звѣри — тигры, львы, слоны и др. Учитель даже и на картѣ показывалъ это прекрасное мѣсто. И съ той поры въ голову мальчугану запала мысль посмотрѣть и побывать въ этомъ чудномъ краѣ, гдѣ такъ красиво и хорошо, гдѣ такъ тепло и ярко свѣтитъ солнце.

Мишка часто, тайкомъ одъ дѣда, влѣзалъ на вершину самой высокой горы и смотрѣлъ оттуда на всѣ стороны свѣта бѣлаго. Онъ видѣлъ, что вонъ тамъ за синимъ лѣсомъ, за блестящей серебряной лентой рѣкой, километровъ за сорокъ отъ него, находится конецъ свѣта, потому что тамъ небо легло на землю. Это Богъ такъ устроилъ затѣмъ, чтобы люди, а главное, малыя дѣти не упали съ края земли въ страшную пропасть, гдѣ навѣрное находится адъ.

Мишка хоть и слышалъ, какъ ребята на улицѣ говорили, что они отъ учителя слышали о шарообразности земли, о томъ, какъ далеко до солнца, и что до звѣздъ еще дальше, но считалъ всѣ эти разговоры просто сказкой. Мишка никому не повѣрилъ бы, что земля круглая, кромѣ своего дѣда, потому что лишь тотъ все зналъ. Мишка ходилъ въ школу порядочно всего лишь одинъ годъ. На второй годъ пришла война, учиться было нѣкогда. Потомъ пришли русскія войска, потомъ опять ушли. Послѣ школа уже много лѣтъ не открывалась совсѣмъ, такъ что Мишкины свѣдѣнія по географіи равнялись нулю.

И вотъ когда онъ сидѣлъ на отвѣсной скалѣ, спустивъ ноги въ пропасть, изрѣдка постукивая постолами*) о стѣны, и смотрѣлъ на солнце, смотрѣлъ на горизонтъ и все болѣе и болѣе чувствовалъ желаніе увидѣть этотъ интересный край земли, невиданныхъ животныхъ, невиданныя растенія. Подпасокъ думалъ, что онъ убѣжитъ отъ дѣда на недѣльку, посмотрѣть чудеса на свѣтѣ, а потомъ придетъ назадъ и будетъ разсказывать ему о всемъ видѣнномъ.

Путешествовать Мишка не боялся, потому что считалъ себя большимъ. Ему уже шелъ одиннадцатый годъ. Мальчикъ онъ былъ рѣшительный, смѣлый и выносливый. Мать говорила о немъ, что если ему взбрела въ голову какая нибудь мысль, то эту мысль нельзя выбить изъ его головы ничѣмъ. Могли его бить отъ утра до вечера, могли уговаривать, но онъ всегда настаивалъ на своемъ и поступалъ такъ, какъ задумалъ.

Теперь Мишка задумалъ идти къ солнцу, потому что около того мѣста, гдѣ оно восходитъ и есть тѣ теплыя страны, о которыхъ говорилъ учитель. Мишкѣ представлялись эти страны земнымъ раемъ. Онъ думалъ, что солнце — очень теплое и что нибудь живое, чему онъ не могъ дать имени, можетъ быть теплѣе тысячи печей, поставленныхъ вмѣстѣ. А вѣдь чѣмъ ближе стоять къ печкѣ, тѣмъ будетъ теплѣе. Такъ и съ солнцемъ: чѣмъ ближе оно отъ земли, тѣмъ теплѣе должно быть на томъ мѣстѣ, откуда оно восходитъ и гдѣ оно ночуетъ. Вотъ именно это-то теченіе мыслей и заставило его оставить дѣда и идти на край земли.

Что край земли есть, то это подтвердилъ ему и дѣдъ, когда внукъ издалека наводилъ разговоръ на эту тему.

Однажды во время сильнаго дождя, когда они оба сидѣли въ шалашѣ, Мишка спросилъ у дѣда: былъ ли онъ на краю земли? Былъ ли онъ у солнца и правда ли это, что земля — круглая? Старикъ на первые два вопроса отвѣтилъ отрицательно, а надъ послѣднимъ весело посмѣялся.

„Ты, Мишка, глупый... Ну, если бы земля была шаромъ, то могли бы мы ходить по ней? Вѣдь по шару могутъ ползать лишь мухи, муравьи, а люди не мухи... Попробуй — сейчасъ упадешь... Какъ бы мы держались, если бы земля и по правдѣ была — шаръ?“

Этотъ раздоръ окончательно подзадорилъ Мышку и онъ рѣшилъ больше не ждать и какъ только перестанетъ дождь, такъ тронется въ путь.

---

*) Обувь похожая на лапти, но изъ кожи.

Къ ночи дождь пересталъ. Сквозь разорванныя клочья тучъ показались разноцвѣтныя звѣзды и половина опрокинутаго мѣсяца. Мишка научился отъ дѣда примѣчать по звѣздамъ и мѣсяцу погоду на слѣдующій день, но сегодня не вѣрилъ себѣ и съ дрожью въ голосѣ, волнуясь, спросилъ старика: „Дѣдъ, а какъ думаешь — будетъ завтра дождь?“ Старикъ посмотрѣлъ на небо, погладилъ по головѣ большую овчарку и только тогда отвѣтилъ рѣшительно:

— Нѣтъ!.. Будетъ ведро! —

Мишка улыбнулся, закутался въ тулупъ и скоро зяхрапѣлъ.

Утромъ, когда чуть замѣтная полоска зари разсѣяла ночь, Мишка потихоньку, чтобы не разбудить дѣда, всталъ и пошелъ къ солнцу.

II.

Часа два Мишка шелъ лѣсомъ, все спускаясь съ высокой горы. Надъ головой да и внизу почти совсѣмъ разсвѣло. Въ лѣсу пѣли птицы. Мокрая отъ росы трава понемногу пробуждалась, стряхивая съ себя жемчужныя слезы. Утренній вѣтерокъ быстро торопясь пробѣжалъ по вершинамъ деревьевъ и скрылся гдѣ-то въ горной лощинѣ, изъ которой поднимался къ небу густый сѣрый покровъ. Черезъ часъ онъ закрылъ даже и красное солнышко и только уже часамъ къ семи утра оно справилось съ нимъ, разорвало его и радостно залило своими лучами горы, лѣса, долины, села и все голубое небо. Мишка все шелъ и шелъ, оставляя солнце по правую руку. Къ полудню онъ думалъ, что уже подходитъ къ Галицiйской границѣ. Онъ слышалъ, что до границы всего два часа ходьбы, но такъ какъ онъ этой границы, которую онъ представлялъ себѣ въ видѣ высокаго деревяннаго забора, не видѣлъ, то и считалъ, что онъ все еще находится на „своей землѣ“.

Когда Мишка двинулся въ путь, то рѣшилъ, что отдыхать онъ будетъ лишь перейдя границу. Шелъ онъ, такимъ образомъ, около шести часовъ. Лѣсъ уже давно кончился. Онъ проходилъ по лощинѣ между горъ, вытоптанныхъ скотиной и выжженныхъ солнцемъ. Мало объѣзженная дорога съ глубокими рытвинами отъ большихъ военныхъ телѣгъ и Богъ знаетъ отъ чего образовавшимися ямами, кое-гдѣ наполненными водой, голыя поля безъ единаго деревца — наводили на Мишку скуку. „Хоть бы корова или человѣкъ попался, а то нѣтъ никого — все голо, пусто и мертво“.

Но вотъ изъ-за холма, какъ бы кто ее съ силой выпихнулъ изъ земли, показалась бѣлая колокольня и нѣсколько избъ. Мишка такъ обрадовался имъ, что даже улыбнулся, снялъ шляпу, перекрестился, подскочилъ на правой ногѣ и прибавилъ шагу.

Въ селѣ стояли на отдыхѣ австрійскіе солдаты. Мишка только тутъ вспомнилъ о войнѣ. Припомнилъ, что и въ его родномъ селѣ недавно стояли солдаты, а потомъ пріѣхали молодцы-казаки, которые ему очень нравились и которыхъ онъ почему то боялся.

Отъ солдатъ онъ узналъ, что „война“ отъ села очень далеко и что онъ до солнца *никогда* не дойдетъ, потому что оно виситъ въ воздухѣ, что оно такъ далеко, что если бы Мишка ѣхалъ на самомъ скоромъ поѣздѣ туда и то никогда не доѣхалъ бы до него, но умеръ бы отъ старости на пути. Много говорили солдаты ему, объясняли, но онъ только сидѣлъ на землѣ, глодалъ кость, да лукаво улыбался, разбрасывая изъ глазъ хитрые огоньки.

„Ты чему, чертенышъ, смѣешься?“ спросилъ подпаска фельдфебель. „Или ты не вѣришь тому, что тебѣ говорятъ?“

Мишка кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Солдаты засмѣялись.

„А почему же ты не вѣришь?“

Мальчикъ всталъ и бросилъ кверху кость, которая черезъ минуту упала на землю и потомъ заговорилъ.

— Кость упала потому, что воздухъ не можетъ держать ее. Упало бы и солнце на землю, но оно не падаетъ, а не падаетъ оно потому, что солнце привязано къ небу на толстой желѣзной цѣпи тамъ, гдѣ небо опускается на землю, тамъ и есть край свѣта.

— Никакой цѣпи нѣтъ. Солнце есть середина, вокругъ котораго движется земля (тутъ Мишка не выдержалъ и прыснулъ отъ смѣха, такъ смѣшны показались ему слова фельдфебеля). Солнце притягиваетъ къ себѣ всѣ небесныя тѣла. (Мишка сладко и громко зѣвнулъ, какъ бы желая сказать: „болтай, болтай, языкъ безъ костей“). Послушавъ объясненія фельдфебель, конечно, ничего не понявъ изъ нихъ, онъ неспѣша пошелъ дальше.

Когда Мишка отошелъ шаговъ на сто отъ кормившихъ его солдатъ, одинъ изъ нихъ догналъ и далъ ему на дорогу компасъ, указавъ, какъ онъ дѣйствуетъ и сказавъ, что при немъ можно идти къ солнцу даже и безъ солнца. „Если бы ты захотѣлъ вернуться домой, то иди опять по стрѣлкѣ, но только въ другую сторону“.

Мишкѣ понравилась коробочка и онъ спряталъ ее въ карманъ, чтобы показать ее потомъ любимому дѣду.

III.

Три дня шелъ Мишка по Галиціи благополучно, проходя села, деревни. Его разспрашивали, куда онъ идетъ, зачѣмъ, нѣкоторые смѣялись надъ нимъ, другіе слушали, молчали, давали ѣсть и указывали дорогу, по которой ему лучше идти, третьи совѣтовали ему возвратиться домой, четвертые пугали его войной, а пятые говорили, что если бы ихъ воля, то они всыпали бы ему на одно благородное мѣсто двадцать пять да черезъ полицію — этапнымъ порядкомъ отправили бы домой. Но Мишка не хотѣлъ никого слушать. Ему казалось, что уже до солнца не такъ далеко, какъ было въ первый день его пути. Чуть слышный, далекій гулъ орудій еще больше убѣждалъ его, что онъ приближается къ своей цѣли.

Проходя черезъ село *В—е,* Мишка зашелъ въ одну избу и попросилъ поѣсть. Въ избѣ сидѣлъ жандармъ съ каской на головѣ, съ длинными усищами и большущими, безцвѣтными глазами. Мальчикъ немного испугался, потому что считалъ жандармовъ самыми злыми людьми и хотѣлъ было уйти. Но блюститель порядка замѣтилъ это движеніе страха и закричалъ:

— Стой!.. Иди сюда!

Миша подошелъ.

— Откуда ты? Чей?

— Я изъ Угровъ.

— А кто ты, мадьяръ?

— Нѣтъ, я русскій.

— А кто твой отецъ?

— Русскій.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Куда ты идешь?

— Къ солнцу.

— Зачѣмъ?

— Посмотрѣть на львовъ и тигровъ.

Эти отвѣты показались жандарму очень подозрительными. Онъ искалъ въ нихъ скрытый смыслъ и нашелъ. Онъ не вѣрилъ, что Мишка просто напросто сельскій мальчуганъ, любознательный, желающій подтвердить себѣ невѣріе въ слова учителя по части географіи. Но кто бы могъ повѣрить, чтобы мальченокъ уже 13—14 лѣтъ, (такъ думалъ жандармъ) будетъ такимъ глупымъ и пойдетъ искать солнце? Да и не менѣе подозрительно, что онъ пошелъ искать его на востокъ, а не на западъ, когда хорошо знаетъ, что на востокѣ—война. А слова, что онъ „русскій", но не русинъ и что онъ идетъ смотрѣть львовъ," — были ему не по сердцу. Подъ „львами" мальчишка подразумѣваетъ навѣрное русскихъ солдатъ. Дѣло не ладно. Безъ всякаго сомнѣнія, что шалопай мальчишка идетъ съ какой то цѣлью къ фронту. Онъ можетъ быть даже слѣдитъ за передвиженіемъ войскъ? Можетъ быть это даже маленькій шпіонъ? мелкнуло въ головѣ жандарма. Онъ испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Мишку и увѣренно подумалъ, что этотъ маленькій мерзавецъ обязательно долженъ быть шпіономъ.

Руській*) жандармъ, вѣрный слуга Франца Іосифа, поднялся и приказалъ Мишкѣ идти въ жандармское помѣщеніе, всю дорогу слѣдя за нимъ, боясь, что мальчикъ дорогой повыбросаетъ изъ кармана уличающіе его документы, карты и т. д.

Какъ только Мишка очутился въ жандармской комнатѣ, гдѣ сидѣлъ за столомъ и писалъ что то другой жандармъ, такъ почувствовалъ, какъ по тѣлу его забѣгали какіе то мураши и холодъ, какъ будто его окунули въ прорубь.

Жандармъ приведшій Мишку, заговорилъ по нѣмецки, обращаясь къ товарищу. Мишка слушалъ, хлопалъ глазами, ничего не понимая, но чувствуя, что рѣчь идетъ о немъ.

---

*) Руській — теперь „украинскій".

Сидѣвшій жандармъ вдругъ вскочилъ на ноги и подбѣжалъ къ Мишкѣ, грубо схватилъ его за плечи и затрася имъ изо всей силы, дико заревѣлъ:

— Верфлюхтеръ! Русскій!.. Ты мадьяръ, а не москаль. Въ Австріи нѣтъ русскихъ — есть только нѣмцы, мадьяры и украинцы, понялъ, поросенокъ ты неумытый. — Онъ бросился обшаривать Мишку и вытянувъ изъ кармана мальчика подаренный солдатомъ компасъ, жандармъ отъ неожиданности не могъ произнести ни звука. Товарищъ его тоже остолбенѣлъ, Ну зачѣмъ мальчику компасъ? Понятное дѣло, чтобы не заблудиться на развѣдкѣ. Да, нѣтъ сомнѣнія, что мальчишка — русскій шпіонъ — улики на лицо.

— Шпіонъ!.. Москальскій шпіонъ!

— Бахъ, бахъ! И бѣдный мальчикъ отъ сильнаго удара по лицу свалился на полъ.

— Застрѣлить тебя мало... — кричалъ одинъ.

— Бить, бить... до смерти!.. — кричалъ другой и толстые носки казенныхъ сапогъ врѣзывались въ бока, въ голову, грудь и лицо Мишки. Изо рта и ушей ручьемъ лилась кровь. Сильный ударъ сапогомъ въ ротъ... Миша закричалъ благимъ матомъ, закашлялся... Штукъ восемь окровавленныхъ зубовъ вывалились на полъ, а австрійскіе тираны продолжали увѣчить беззащитнаго ребенка до тѣхъ поръ, пока онъ не потерялъ сознанія. И только тогда опомнились страшные звѣри! Одинъ опустился въ изнеможеніи на стулъ, отирая платкомъ крупныя капли пота на лбу, а другой щеткой чистилъ кровь на носкахъ сапогъ, приговаривая: „Всѣхъ москалей перевѣшалъ бы! Не могу даже равнодушно слышать отъ нашихъ русиновъ, когда они называютъ себя **русскими!**“

IV.

Мишу положили во львовскую больницу, гдѣ онъ нѣсколько недѣль боролся со смертью.

Опаснѣе всѣхъ ранъ — было сломанное ребро, которое пришлось удалить посредствомъ операціи.

Но больнѣе всего было Мишкѣ оттого, что онъ не зналъ — за что его били, за что такъ безжалостно изувѣчили его жандармы — за то ли, что онъ назвалъ себя *русскимъ,* или за *компасъ,* или за то, что онъ *осмѣлился идти къ солнцу*... И онъ много думалъ объ этомъ, и болѣло невыносимой болью его маленькое сердечко. Хотѣлось плакать оттого, что не зналъ, не понималъ причины мученія. А мучили его только потому, что онъ назвалъ себя, и отца русскими.

А вѣдь назвать себя открыто *русскими* — русскіе люди не смѣли... это считалось величайшимъ преступленіемъ и такихъ дерзкихъ „преступниковъ“ наказывали по своему, самосудомъ, наказывали по звѣрски, жестоко.

А. В. Поповъ.

Мукачево.

Критика и библіографія.

Ашкинази: „Ѳ. М. Достоевскій“. Ужгородъ, 1923 г. Изданіе „Школьная Помощь“.

А. Поповъ: „Въ Карпатахъ“ и друг. разсказы изъ карпаторусской жизни.

М. Микита: Сельское хозяйство.

Дръ Мачикъ и Гзовскій: Уставъ Гражданскаго Судопроизводства.

Со всѣхъ сторонъ.

Недавно газеты принесли извѣстіе о томъ, что одинъ отважный спортсменъ переплылъ въ лодкѣ на парусахъ черезъ весь Великій океанъ.

Почтовый ящикъ.

Н. В. Хустъ. Не стѣсняйтесь — пошлите. Редакція исправитъ. Начинать и Вамъ нужно.

Ужгородъ „М“. Политическіе стихи — не примемъ. Эпиграммы, сатиры — съ удовольствіемъ.

Мукачево. Ѳ. В. Каррикатуры пошлите въ „Сову“, ей пригодятся.

Севлюшъ. „Учитель“. Вѣримъ, надѣемся и такъ будетъ. Постарайтесь распространить „К. Край“ среди знакомыхъ.

Свалява. Л. Виновата фирма, дѣлающая клише. На каждаго десятаго получите одинъ экземпляръ „К. Край“ даромъ на весь годъ.

М. М. Ставровскій. Вашъ даръ на журналъ **1800 кч.** получили. Искреннее русское спасибо! Побольше бы такихъ среди карпатороссовъ!

Отвѣтственный редакторъ: **А. В. Поповъ.**

Издатель: **„Русское Касино“** въ Мукачевѣ.

Адресъ редакціи и администраціи: **Мукачево, Духновича ул, 94.**

Подписная цѣна на годъ: 60 кч., въ Америкѣ 3 дол. 20 цент.